

Михаил Михеев

Т-34

ВРЕМЯ ВЫБРАЛО НАС

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Михаил Михеев

Т-34. Время выбрало нас

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Михеев М. А.

Т-34. Время выбрало нас / М. А. Михеев — «Издательство АСТ»,
2022 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-147461-4

Война – это дуэль со смертью. Бой в тылу врага – бег с ней наперегонки. И порой удача значит больше, чем самые лучшие планы или совершенная техника. Вот только что делать, если удача закончилась? Попавшие в сорок первый год наши современники продолжают громить врага там, где он не ждет. И когда появляется выбор между жизнью и честью, каждый из них знает, как поступить. И пока у них остались силы, они будут идти вперед, наматывая врагов на гусеницы Т-34.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-147461-4

© Михеев М. А., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	38
-----------------------------------	----

Михаил Александрович Михеев

Т-34. Время выбрало нас

*Там, где было и в полночь
От пожаров светло,
Время выкладки полной
Нам на плечи легло.
Умереть, но не сдаться,
Отдавая приказ,
Для нелегкого дела
Время выбрало нас.*

М. Матусовский. Время выбрало нас

© Михаил Михеев, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Снег шел всю ночь, и это было хорошо. Как минимум следы замело качественно. Да и немцы по нерасчищенным дорогам особо не ездят. Во всяком случае, в такую глушь, где даже телефонную линию протянуть никто не удосужился. Тем более район вошел в состав СССР буквально перед самой войной, и за два оставшихся года у новой власти попросту не дошли до него руки.

А вот люди преимущества новой жизни почувствовать успели. Вообще, белорусы, в отличие от украинцев, приняли новую власть в подавляющем большинстве лояльно. Те, кого выдернули из-под поляков, разумеется. Хлебнули они от панов изрядно и Красную армию, навешавшую тем ляхам, которые не успели разбежаться, хороших люлей, встречали с радостью. Единственно, обижались, что им не давали обрабатывать бывших хозяев дубьем до полусмерти. Или даже до смерти.

Но, увы и ах, русские хоть и были раздолбаями, кое в чем оказались даже куда правильнее, чем пунктуальные до безобразия немцы. А потому остатки разбитой фрицами и бежавшей на восток, аккуратно навстречу русским танкам, польской армии были надлежащим образом оформлены и сданы под охрану частям НКВД. Местные белорусы обиделись, но не так чтобы очень. В отличие от тех же украинцев, прямо-таки жаждущих вывести гордых панов под корень.

Впрочем, Хромова все это волновало постольку-поскольку. Хотят местные бить кому-то морду? Ну, их дело. Сам он куда больше интересовался возможностью поесть и выспаться. И если с едой проблем не было – во время недавнего рейда они разгромили немецкий склад, и теперь продовольствия при некоторой экономии должно было на пару месяцев хватить и личному составу, и местным, буде даже таковые, в довесок к уже имеющимся, еще набегут, то сон...

О да! Вот чего не хватает на войне, так это времени на сон. Только оказавшись в этом мире, Хромов понял, как прав был человек, родивший данную истину. И сейчас он наконец-то мог позволить себе отдохнуть.

Да и вообще, за неполные полгода и он сам, и его товарищи кардинально изменились. В первую очередь, разучились удивляться. Эмоции у них качественно отбило. Реально Сергея, к примеру, сейчас удивляло разве что обилие снега. Все же за более чем полвека климат серьезно изменился, и то, что здесь, в Белоруссии, сугробы по пояс, его, привыкшего считать эти места едва ли не курортными, изрядно сбивало с толку. Стереотипы, чтоб их, а ведь по книгам знал

о суровости местных зим и вымораживании немцев. Умом знал, но не воспринимал, как оказывается, всерьез. И вот, сподобился увидеть собственными глазами.

Впрочем, плевать. Выспался, отдохнул, пора в лес, где расположились наскоро вырытые капониры, скрытые деревьями от нескромного внимания немецких летчиков. Придя сюда, они первым делом, не тратя время на отдых, всю ночь и половину дня долбили уже подмерзшую землю, дабы замаскировать танки. Хорошо еще низкая облачность не давала вражеским самолетам подняться в небо. Отсыпались потом, загнав танки в укрытия и накрыв их брезентом. Снег быстро довершил начатое, и теперь с неба рассмотреть их базу стало практически нереально. Что-то, а маскироваться они за это время научились здорово.

Честно говоря, выбираться из теплой избы не хотелось совершенно. Увы, увy, надо – раз уж они остановились здесь, требовалось провести как минимум профилактику техники. А то встанут из-за того, что у какого-нибудь танка на ходу отвалится башня – вот смеху-то будет... Случались прецеденты.

Но хоть идти можно было, не особенно торопясь. Заодно проверив, как и что здесь творится. Как оказалось, все штатно. Часовые бродят по качественно вытоптаным тропинкам, в большом овраге, прикрытые засыпанными снегом маскировочными сетями, замерли бронетранспортеры, грузовики, зенитки... Позже надо будет их рассредоточить, но пока банально не хватило времени.

Из капонира, в котором располагалась его «тридцатьчетверка», доносились лязг металла и матерная ругань с сильным немецким акцентом. Опять Шульц развлекается – из всех пленных немецких механиков он, пожалуй, лучше всех освоил русский язык. Теперь на работе выражался почти исключительно на нем, вражина, причем цензурными были разве что предлоги. Ну да пес с ним, главное, работу свою хорошо знал.

Инспекция продолжалась практически до вечера, и к концу ее изрядно измазавшийся в масле и успевший покопаться в половине боевых машин Хромов чувствовал себя малость воодушевленным. Из восьми имеющихся у них танков – его персональной «тридцатьчетверки» с нестандартным двигателем и вооружением (кстати, на каком заводе собрали и кто испытывал это экспериментальное чудо, так и осталось тайной), трех немецких трофейных машин и четырех Т-26, которые достались им с месяц назад, после разгрома очередной немецкой колонны, – лишь два танка требовали серьезного ремонта. Все те же двадцать шесть – немцы использовали старые трофейные танки для охраны транспортных колонн. Соответственно, их подшаманили, но не более того. Неудивительно, что на них что-то вылезло – остальная-то техника обслуживалась регулярно и качественно. Разумеется, какие-то мелкие поломки случались постоянно, однако как раз в этом не было ничего удивительного. Техника этого времени вообще не отличалась надежностью, что русская, что хваленая немецкая. Водители в своих грузовиках постоянно что-то подкручивали, затягивали, проволочками крепили. В общем, банальная ситуация.

Когда Хромов, засыпанный снегом и пуская изо рта облачка пара, вошел в здание школы, занятое их частью под жилье, полковник Мартынов как раз закончил распекать Хинштейна. За что? Да пес его знает, косяки случаются у всех. Надо будет – скажут, но, судя по тому, с какой скоростью выскочил из кабинета директора их штатный еврей, потный и красный, и как быстро и молча он исчез, распространяться он не жаждал. Его право. Мартынов же, использующий сей кабинет под штаб, тем более промолчал.

Аккуратно развесив одежду возле натопленной печки, Сергей плюхнулся к столу, где его уже ждала кружка исходящего дымком крепкого чая. Полковник бросил неодобрительный взгляд на темные от машинного масла руки, но промолчал. Хорошо понимал, что отмыть это впитавшееся за месяцы великолепие получится разве что в бане, да и то не с первого раза. Вместо этого он дождался, когда его лучший разведчик слопаёт все, что стоит на столе, и выпьет чай до капли, после чего спросил:

– Как?

– Нормально. Два дня, не более. Думаю, мы вполне в состоянии себе это позволить.

– Можем и дольше. Тем более, у меня тут появилась интересная идея.

Когда полковник говорит, что идея интересна, значит, так оно и есть. Разве что стоит учитывать, что слова «интересная» и «опасная» запросто могут оказаться синонимами. Поэтому Хромов откинулся на спинку стула (наверняка гостевого, поскольку для нерадивых учеников если что и полагалось, то не лучше стоящего в углу отполированного задницами табурета) и поинтересовался:

– Могу я узнать подробности?

– Я тут пообщался с местными...

– И что они тебе сказали?

– Немного. Но все же кое-что интересное я узнал.

– Интересное? – скептически изогнул бровь Сергей. – Что здесь – *здесь!* – может быть интересного? Здесь даже боев не было, и немцы за все время один раз наведывались. И то проездом.

– Ну, здесь не было – по соседству нашлось.

– Эти замшелые пеньки еще и к соседям выбирают? Даже интересно, что они могут о своих вылазках рассказать.

– Много и разного, к слову.

– Небось, все на уровне слухов. Как же мне не хватает Громова...

– Мне тоже, – без улыбки ответил Мартынов. – Но, может, вначале дослушаешь, а потом уж будешь предаваться воспоминаниям?

– Лучше уж мечтам. Ладно, командир, рассказывай.

Рассказ вышел не то чтобы длинным, но интересным. Если верить местным жителям, километрах в тридцати отсюда прорывалась из окружения советская часть с неплохим набором танков. Неудивительно, к слову – в самом начале войны дела с этим видом техники у Красной армии обстояли лучше, чем у немцев. Во всяком случае, даже после неудач первых дней кое-что оставалось, и значительная часть потерь была при этом небоевой – где-то без топлива пришлось танки оставить, а где-то из-за пустячной поломки. Тылы-то с ремонтными подразделениями отстали наглухо. В общем, поражение начального этапа не столько заслуга немцев, сколько результат собственных ошибок. Ну и непродуманной логистики, разумеется.

Так вот, прорывались танкисты с шумом и стрельбой, немцев давили где только можно и однажды нарвались на толково организованный встречный бой. От драки уклоняться не стали и даже победили, вполне грамотно организовав обходной маневр. Но вот незнание местности подвело – несколько танков с размаху влетели в болото да там и остались.

Вытаскивать их было некогда. Пару машин, севших на брюхо у самого берега, выдернули, остальные просто бросили. Позже немцы попытались что-то сделать, но плюнули и оставили это занятие. По словам местных, пара танков завязла, аж пройдя метров триста. А тащить застрявший по самую башню танк удовольствие ниже среднего. Особенно учитывая фатальную нехватку мощности немецких бензиновых движков.

– В общем, я так думаю, стоит тебе съездить и посмотреть, что там есть интересного, – резюмировал Мартынов. – Глядишь, приборахлимся чем-нибудь. Как, готов?

– Готов-то готов. Только есть кое-какие нюансы.

– Давай, говори, – Мартынов облокотился на стол и с интересом посмотрел на товарища.

– Во-первых, почему я? И не говори только мне, что я лучший.

– Потому что ты действительно лучший. К тому же Альберт не справится, а Игорь нужен мне здесь. Посылать же местных... Нет, здесь нужен свежий взгляд. Так что хорош маскировать свою лень.

– Гм, – насчет лени полковник угодил в точку. – Ладно, вопрос снимается. Второе. Как я их вытащу, если фрицы не смогли?

– На месте определишься. Может, там барахло такое, что и мучиться не стоит. Те, кто мне это рассказал, в вопросе разбираются, как свинья в апельсинах.

– Отбракованными апельсинами свиней, к слову, кормят.

– Ну, как ворона в соловьином пении. Главное, суть ты понял.

– Ясно. Тогда еще вопрос. У нас ведь техника сплошь на бензиновых движках. Если там что-то вроде КВ, то что мы с ним будем делать? Даже если вытащим? На них сплошь дизеля.

– Давай сначала посмотришь, а там уже будем решать проблемы по мере их возникновения. Ну что, готов?

– А куда ж я денусь. Возьму свою группу – и завтра стартуем.

– Ну, вот и ладушки. – Мартынов хлопнул ладонями по столу, показывая, что разговор окончен. – Всю информацию я вам сообщу непосредственно перед выездом. Отдыхайте пока.

Ну что же, отдыхать – значит, отдыхать. Опытный солдат – а Сергей мог уже с полным правом назвать себя таковым – умеет использовать для этого любую свободную минуту. Однако прежде чем идти заваливаться в койку, Хромов завернул к своей группе. Хороший командир всегда проверит, как дела у его людей. А учитывая, сколько он наворотил за последнее время, командиром его считали если не блестящим, то уж как минимум неплохим. И уважение от тех, с кем в одном строю приходилось насмерть резаться с сытыми, уверенными в себе фрицами, дорогого стоило. Уж всяко больше, чем от приятелей по студенческим вечеринкам.

Разведгруппа, успевшая за последнее время разрастись до полутора десятков человек, устроилась на постой в одном с ним доме. Всей разницы, что Хромову, как командиру, выделили пускай крохотную, но отдельную комнату, остальные же селились по трое-четверо. Ну, еще Селиверстов с Ильвесом, бессменные заместители, делили комнату на двоих. Иерархия в их подразделении соблюдалась четко. Не всегда так получалось, конечно, однако сейчас дом, в котором они разместились на постой, вполне подходил – здоровенный, двухэтажный, комнат много. По меркам военного времени роскошь.

Повезло им с деревней. Если вначале, когда группа полковника Мартынова была невелика, с мобильностью проблем не возникало, то сейчас... В общем, говоря кратко, задница полная. Отряд увеличился до двух с половиной сотен человек, главным образом за счет конкурента. Был там по соседству отряд одного борзого полковника, свято уверенного, что только он воюет, а остальные так, задницы просиживают. Ну и где он теперь? Остался практически без продовольствия и боеприпасов, схлестнулся в очередной раз с немцами...

Если бы не танки Мартынова, ударившие фрицам в тыл, все бы там и полегли. Но и так больше половины бойцов во главе с лихим, однако так и не научившимся приспосабливаться к реалиям новой войны командиром остались в том лесу. А остальные, не мудрствуя лукаво, предпочли влиться в ряды пришедшего к ним на помощь отряда. Видать, рассудили, что героизм – это хорошо, но еда, патроны и поддержка бронетехникой важнее. Жаль, притирались «старики» с «новичками» друг к другу чрезмерно долго, и процесс все еще не был завершен.

– Ну, что у нас плохого?

– Все нормально, старшой, – Селиверстов как раз заканчивал укладывать что-то в недра огромного ранца. Да-да, именно так. До того, как попасть в это время, Хромов был свято уверен, что ранцы здесь если и имеются, то у фрицев. Но, как оказалось, Красная армия перед войной тоже была ими оснащена, причем ранцы советского образца были чертовски удобными, на голову превосходя немецкие аналоги. И, когда грабили очередной брошенный при отступлении склад, этих продуктов отечественной военной мысли нашли довольно много. А бойцы, по достоинству оценившие как удобство, так и надежность амуниции, тут же едва не передрались из-за них. Хорошо еще разведка, как всегда, успела первой и наложила лапу на свою долю плюшек. – Вон, баню топить собираемся. Как стемнеет, так и начнем.

– Это правильно. Но спокойной жизни нам не светит – у полковника новая идея в голове.

– Покой нам только снится, – вмешался Ильвес. Курсант за прошедшие месяцы успел излечить раны и почти полностью избавиться от эстонского акцента. – Когда выходим?

– Там видно будет. Отдыхайте пока.

Народ вернулся к своим делам, а Хромов ушел к себе. Стянул с ног валенки, поставил их к теплому боку огромной печи. Дом был из числа зажиточных, печей в нем было аж три штуки, но обычно топились одна, край – две. Хозяева экономили дрова и зимой капитально ужимались в жилой площади, тем более что старшие дети подались в город искать лучшей жизни, а оставшихся было не столь уж много. Но когда на постой встали военные, хочешь не хочешь, а пришлось спешно протапливать все помещения.

Старомодная кровать с декоративными хромированными гайками-шариками на спинке противно заскрипела под его телом. Все, теперь бы поспать...

– Ужинать будешь?

– Да я вроде...

– Ты вроде не обедал, а вместо ужина выпил у полковника кружку чаю. Давай, давай, не ленись.

Хромов с некоторым усилием принял сидячее положение. Бросил взгляд на часы. Ну, надо же! На минутку прилег, а час уже прошел. В последнее время он стал вырубаться, едва лишь закрыв глаза.

– Оль, спасибо, конечно, только, может, хватит, а? Уже мужики смеются...

– Ну и дураки, – Калмыкова (ее настоящую фамилию Хромов так и не узнал – она не распространялась, а спрашивать было как-то неудобно) ловко расставила на небольшом столике в углу миски с немудреным ужином. Картошка в разных видах – супе, жарком и пирогах. Еще хорошо, что с мясом, благо группа, не чуравшаяся взятием трофеев, пока не бедствовала. – Ешь давай.

Хромов вздохнул. Принюхался. И пришел к выводу, что лучше переест, чем недоспать, лучше переспать, чем недоест. Подсел ближе, доставая персональную ложку. Трофейную, немецкую, офицерскую. Здоровенную, иной половник меньше будет.

– Спасибо. А остальные?

– За ними фашистка ухаживает. Ладно, я пошла, помогу ей.

Вот так, пленная Лаура Дитрих у них и застряла. А поскольку возить ее пассажиркой было несусветной глупостью, то отправилась она в хоззвод, в помощь их повару, где к тому моменту уже обосновалась Ольга. Весело было глядеть, как они друг друга за волосы таскают... Сейчас, правда, все более или менее устаканилось, одна перестала крыситься по поводу и без, вторая не корчила из себя истинную арийку, вынужденную сотрудничать с унтерменшами. Но определенная натянутость осталась.

– Ладно, иди. Кстати, там баню вроде бы опять топили...

– Да я сходила уже.

– В самый жар?

– Ну да, я люблю, чтобы горячо, как в аду.

– Что, по дому соскучилась?

Девушка пару секунд переваривала шутку, затем не нашлась, что ответить, а потому независимо фыркнула и с гордо понятой головой вышла. Вот так. И, спрашивается, зачем с собой баб таскать? Один геморрой из-за них.

Хотя и польза, конечно, несомненная. Сейчас к группе полковника Мартынова прибилося больше двух десятков женщин, как из числа военнотружеников, так и местных. В результате медсанбат работал очень даже неплохо, кухня, банно-прачечное дело на них спихнули опять же. Возможно, именно благодаря этому еще и не завшивели, хотя то у одного, то у другого

бойца педикулез время от времени находили. А куда деваться? Радости походной жизни во всей красе...

Впрочем, не так все и страшно. Быстро поев и ополоснув посуду (для этого пришлось тащиться на кухню), Хромов вновь завалился на кровать. Вот только сон уже куда-то ушел. Зато желудок активно заработал, переваривая калории. Впрочем, при такой работе потолстеть не грозит – завтра же все сгорят. Главное, не уподобляться в сжигании калорий чемпионам, вроде директора крематория...

Некоторое время Хромов лежал, тупо глядя в потолок, едва видимый в свете выкрученной на минимум керосиновой лампы. Лежал и думал. Не о завтрашнем деле – там все равно надо сначала посмотреть, а потом уж принимать решение. Нет, думал он о том, что все же какую-то подножку они, несмотря на малую численность, немцам подставить ухитрились.

Сергей не считал себя знатоком истории войны, однако же помнил, что битва за Москву закончилась еще в конце сорок первого года серьезным поражением немцев. Слишком много по этому поводу и в интернете писали, и по телевизору рассказывали. Но до того немцы поперли на нее чуть ли не в сентябре, будто им водки бесплатной пообещали. В результате к середине октября столица уже вовсю готовилась к уличным боям. Сейчас же фронт стабилизировался, если верить данным радио, на линии Московское море – Волоколамск – Можайск – Малоярославец – Детчино – Калуга. Причем вышел он на эту линию только в ноябре, встал намертво и практически не колебался.

Таким образом, немцы к Москве на расстояние прямой видимости так и не вышли. Однако и последовавшего за этим грандиозного разгрома фашистов не последовало. Война перешла в позиционную фазу. Хорошо это или плохо? Да черт его знает. Главное, расклады поменялись не кардинально, однако же весьма серьезно. И говорить это могло лишь об одном: причина расхождения – появление группы Мартынова.

Точнее, не самого Мартынова. Без лишней скромности, Хромов признавал – его это заслуга, его. В конце концов, это он, учинив рельсовое безобразие, вывел из игры фон Бока и Гудериана. Очень похоже, это капитально спутало немцам карты, вдобавок нарушив систему управления войсками. Как следствие, возникла оперативная пауза, которой сумели воспользоваться советские военачальники. Подтянуть резервы, наладить снабжение... В общем, вряд ли ожесточенность битвы за Москву снизилась, но наблюдалась она совсем на других рубежах.

Ладно, мысли о высокой стратегии – это хорошо. Вот только жить им здесь и сейчас, а не стратегически планировать на три века вперед. А значит что? Значит, пока есть время, надо отсыпаться. Хромов честно попробовал уснуть – и, как ни странно, ему это удалось. А завтра опять в дорогу... И это была его последняя мысль – сон вновь накрыл его, подобно тяжелому мягкому одеялу.

Выехали рано утром, благо облачность по-прежнему стояла низкая, и случайных самолетов опасаться не приходилось. Неслучайных же тем более – линия фронта проходила далеко, и немецкая авиация буйствовала, похоже, исключительно там. На патрулирование тылов фрицам банально не хватало самолетов. Да и смысл? Большинство серьезных частей окруженцев или прорвались за эти месяцы к своим, или были уничтожены. Охота же за несерьезными с самолетов просто не входила в планы немцев. Группа Мартынова, несмотря на свою численность и боеспособность, пока что ухитрялась оставлять немцев с носом, постоянно маневрируя и хорошо маскируясь. Так что целенаправленного поиска, ни по логике, ни по данным радиоперехвата, пока не наблюдалось.

Разведчики выдвигались на трех санях. Четвертые, немного поотстав, шли с грузом. Пиликать на грузовике или, тем паче, бронетранспортере не имело смысла – моторесурс, равно как и топливо, отнюдь не бесконечен. Лошади в определенных условиях и надежней, и универсальнее, да и проходимость у них куда как выше. И потом, с гужевым транспортом у них

проблем не было. Фрицы, как бы ни трендели доморощенные «знатоки» о том, какая была организованная и технически продвинутая немецкая армия, передвигались в основном или на своих двоих, или на лошадях. Ну а любителей четырех копыт сам бог велел раскулачивать, ибо хорошая скотина в хозяйстве всяко будет полезней, чем под немцем. Так что ныне те бойцы, кому не хватило мест в грузовиках, переквалифицировались в кавалерию. Кое-кто даже шашками обзавелся. Некоторое количество не столь полезных, сколь статусных железяк нашлось на одном из складов. Немецкими саблями, захваченными при разгроме небольшой кавалерийской группы, тоже не побрезговали. Жаль, толком владеть всем этим великолепием практически никто не умел, а Громова, способного с нуля обеспечить подготовку, под рукой не было.

И уж всяко лучше иметь своих коней, чем пытаться реквизировать транспорт у местных. Даже временно. Отдать-то отдадут, но крестьянину на данном этапе по большому счету ближе свое хозяйство, чем оборона страны. Это через годик, когда их массово будут жечь и вешать, ситуация изменится. И то не до конца. Сейчас же только тронь – живо озлобятся и, даже если не донесут немцам, то мелких пакостей сделают кучу. Оно надо?

Так что ехали на своем транспорте, и Хромов от этого пребывал в легкой меланхолии. Как-то в его время поездки такого рода ассоциировались с романтикой, а здесь он, поездив на таких развалюхах, успел к ним не только привыкнуть, но и приобрести к саням острую и стойкую неприязнь. Потому как медленно, холодно и скучно. Это тебе не в машине. Особенно когда ехать ну вот совершенно неохота.

Да, именно так. Хромов не заметил даже, как накопилась и тяжким грузом легла на плечи усталость. Не столько даже физическая, хотя и ее хватало. Но та лечилась баней и сном, а последнее он себе как раз этой ночью смог позволить. Нет, усталость была, скорее, психологическая. Все же несколько месяцев на войне, притом что совсем недавно он не мог даже представить себя в подобной ситуации. Но делать нечего, попала собака в колесо – пищи, но беги. Вот он и бежал, как олень, а то и быстрее.

А еще его бесили расстояния. Точнее, время их преодоления. Что Россия – страна большая, он с первого класса помнил. Но жителю двадцать первого века, привыкшему, что сто километров – это час ненапряжной езды, передвигаться со здешними скоростями тяжело. То, что вроде бы рядом, внезапно оказывается очень далеким и труднодоступным. Вот и сейчас жалкие тридцать километров они добирались больше трех часов. В общем, тяжело.

Остальным, кстати, тоже было не сахар. Сколько бы ни рассказывали о том, что предки, дескать, были выносливее, на практике от войны устали все. Психологическая нагрузка все ж запредельная. Тут и оторванность от дома, и невнятные перспективы, и ежедневная готовность умереть... В общем, пусть эти люди были патриотами, накачанными пропагандой по самые уши, да вдобавок с детства привыкшие к тяжелому труду, но усталость давила на всех. Потому ехали они без шума и песен, апатично и спокойно, и лишь двое верховых, изображавших боевое охранение, кружили вокруг.

Но всему приходит конец, и дорога не исключение. Как раз к обеду они добрались до места назначения, и Хромов в очередной раз удивился тому, насколько деревни здесь похожи одна на другую. Точнее, малые деревни – одна-единственная улица вдоль берега реки и ряд домов. Все! Смешно, но такие же он видел и в своем времени, однако там в глаза бросалась паутина проводов, какой-то намек на инфраструктуру. Здесь же... Как говорил тот ослик из мультфильма, душераздирающее зрелище.

Впрочем, несмотря на войну, люди особо подавленными и напуганными не выглядели. Ничего удивительного – бои прошли рядом, но деревню не задели. Немцы заскакивали пару раз, обозвали председателя колхоза старостой, да и уехали. Даже семейку местных евреев не расстреляли. Обложили, правда, немалым налогом, но они, цинично подумал Хромов, глядя на болтающих о чем-то у высокой изгороди бойких кумушек, почувствуют его на себе чуть позже. В общем, жизнь продолжается, и никто зря не парится.

Сельсовет отличался от других домов лишь тем, что стоял чуть на отшибе да имел более чем приличные габариты. Это и неудивительно – одно крыло занимала начальная школа-четырехлетка. Силами учеников, к слову, возле нее был разбит отличный сад. Здесь же и учительница проживала – для нее было выделено нечто вроде квартиры. Все это объяснил им председатель колхоза, немолодой уже, но крепкий мужик с редкими прядями седины в коротко подстриженной черной бороде.

Он встретил гостей на пороге сельсовета. Коротко, но твердо сжал руку Хромова, спросил негромко:

- От полковника?
- Да. Четвертые сани – для вас.
- Хорошо. Сашка, подь сюды!

Подскочил мальчишка лет двенадцати, шустрый, с отмеченным печатью интеллекта лицом. Все же за период советской власти народилось поколение именно таких, грамотных и, как бы сказали в будущем, продвинутых ребят. Не все, но многие разительно отличались от отцов и, тем более, дедов. Пацан выслушал приказ, кивнул и умчался. Еще через несколько минут, не успели разведчики даже толком разместиться в огромном по сельским меркам зале, предназначенном для совещаний, сани уже разгрузили, а их содержимое прибрали.

Между прочим, правильно сделали. Интересный был груз – три десятка немецких винтовок и немецкий же пулемет. Мартынов не жадничал, тем более трофейного оружия у него было завались. С патронами хуже, их никогда много не бывает, но и их выдал не скупясь. Скоро здесь будет партизанский край, и стволы лишними не окажутся.

Персонально старосте Мартынов велел передать вальтер с патронами. Что Хромов и сделал, не обращая внимания на то, каким взглядом мужик буквально облизывает его маузер. Ибо – нефиг! Ни маузер, ни СВТ он дарить не собирался. Надо – в бою добывать.

Мужик повздыхал еще малость, но, поняв, что намеков тут не понимают, перешел к делу. Предварительно, кстати сказать, проставившись. От обеда никто не отказался (хотя могли и не предложить, с местных станется), да и от рюмки для сугреву тоже. А потом началась работа.

Выделенный им проводник, тот самый Сашка, привел группу к болоту, где влипли в грязь танкисты, по наикратчайшему маршруту. Интересно за ним было наблюдать – этакая помесь истинно мальчишеского любопытства, гордости от осознания важности порученного дела и попыток вести себя степенно, как подобает истинному мужику. К слову, трофейный шоколад под чай из трофейного же термоса он трескал так, будто в жизни ничего вкуснее не ел. А может, так оно и было – спрашивать Хромов не стал, постеснялся. Бойцы же его подшучивали над мелким, но к концу чаепития у того организовалось еще три плитки шоколада, которые он хозяйственно прибрал. Как солидно пояснил, сестрам.

Но Хромова планы и мотивация здешнего мужичка-с-ноготок не интересовали совершенно. Зато танки, напротив, завладели его вниманием качественно. И, кстати, среди угодившего в капкан «зоопарка» было на что посмотреть. Мартынов, расписывая ему задачу, похоже, даже близко не представлял, как шикарно вляпались танкисты.

Ближе всех к краю болота, едва в десятке метров от него, ржавой громадой застыл увязший по самую башню КВ. Трехдюймовое орудие, откровенно несерьезно торчащее из башни этого гиганта, уныло смотрело куда-то в лес. Башня была вся покрыта оспинами от попаданий, но ни одного пробития Хромов не нашел – похоже, танк вполне ремонтпригоден. Только как его, блин, вытащить?..

Чуть дальше вляпались два БТ, вроде бы седьмые. Эти сидели не так глубоко, но пройти успели больше полусотни метров. Немцы, скорей всего, и добираться-то до них по развороченному гусеницами, насыщенному водой одеялу из мха не рискнули. И, к слову сказать, повреждений тоже видно не было. А вот Т-34, оказавшийся в этой компании, был издырявлен снарядами, как решето. Судя по развернутой башне, кто-то из экипажа решил не покидать

танк и принял бой. Проводник подтвердил: да, так оно и было. Танк застрял недалеко, вытащить его при кропотливой работе шансы имелись, и один из танкистов сказал: не отдам, мол, машину. Так и остался здесь. Вел бой до конца, сжег два немецких танка. Его потом немцы сами и похоронили. Как ни странно, с почестями и с салютом. Интересно... Впрочем, мало ли какие у них в головах завихрения встречаются.

Еще один танк Хромов не опознал – тот, видать, нырнул в яму, где благополучно перевернулся, и над поверхностью болота торчали сейчас лишь несколько катков с обрывком гусеницы, качественно присыпанные снегом. Ну и, на финал, Т-28. Для этого времени еще не раритет, но уже редкость, причем уехал он дальше всех и не затонул, просто сел на брюхо. Словоохотливый проводник сказал, что несколько танков ушли еще дальше, но за лето их засосало вместе с башнями, даже искать нет смысла. В общем, металлолома здесь скопилось богато, непонятно лишь, что с ним делать.

Примерно тем же вопросом задалась и остальные разведчики. Во всяком случае, те, кто умел думать, а не только метко стрелять. Увы, были среди них и такие, кому рефлексy заменили мозги. Расходный материал, как цинично отзывался о них Мартынов. Но все же тон задавали не они, а заместители Хромова думать были как раз приучены. И неудивительно, что именно Селиверстов озвучил немудреную, однако актуальную мысль:

– Что будем делать, старшой?

– Что делать, что делать... – в голове Хромова крутилась идея, но каждый раз, когда Сергей пытался ухватить ее за хвост и перевести в понятные термины, она как-то неимоверно ловко ускользала. – Снять штаны и бегать... Не бросать же здесь всю эту икебану!

– Чего не бросать? – не понял Селиверстов. Все же при всей смекалистости и природном уме многого, что было обычным для человека, родившегося на сотню лет позже него, он попросту не знал. Ильвес тоже сморгнул удивленно. Все же, как ни крути, Эстония никогда не была чрезмерно цивилизованным местом. – Потом объясню, – мысль наконец-то выкристаллизовалась во что-то более или менее внятное. – Теперь, как говорят одесситы, слушайте сюда и ищите слабое место в моих рассуждениях.

Его выслушали, пару минут обдумывали, затем Селиверстов задумчиво кивнул:

– А что, может получиться. Если что, мы ничего не теряем, времени пока хватает... Сам придумал?

– Да нет, читал когда-то, – честно признался Сергей. – Вроде бы когда-то так целые корабли поднимали. Хотя, может, и врут. Попытка не пытка... А кое-что, может, и без этого достанем, – он махнул рукой остальным: – Ну все, хлопцы, давайте, собираемся. До темноты сделать ничего не успеем, так хоть на местности оглядимся.

К работе по вытаскиванию танков приступили на следующее утро, начав, как бы это ни показалось странным, с самого дальнего, Т-28. Соорудили опалубку из толстого горбыля, благо этого добра здесь хватало. Небольшая лесопилка в деревне имелась. Правда, она не работала уже месяца три, но досок, которые не успели вывезти из-за войны, остался целый склад. Брали что похуже, главное, чтобы создавалось хотя бы подобие герметичности, для чего щели тщательно шпаклевали. Ну а потом, установив конструкцию вокруг танка, вырубили лед.

Морозы стояли не такие, чтобы болото промерзло до дна, но все же сейчас, к концу января, сантиметров на сорок вниз был сплошной лед. И то хлеб. Вырубили канаву и быстро, пока вода, медленно поступающая снизу, не заполнила освободившееся место, опустили туда опалубку. Работа заняла весь день, и местные, наблюдавшие со стороны весьма скептически, крайне удивлены были, что утром, вырубив успевший образоваться лед и отчерпав воду, удалось опустить конструкцию глубже. Потом еще глубже... В общем, не такое уж и бездонное оказалось болото. На четвертый день смогли добраться до твердого грунта, освободив снаружи громаду танка ото льда. Теперь дело было за малым – вытащить его, что, учитывая превратившуюся в единый комок перемерзшего торфа ходовую часть, было той еще задачей.

Впрочем, как раз на этот счет была вполне жизнеспособная идея, подкрепленная неплохим техническим заделом. С временной базы пришли целых три полугусеничных бронетранспортера. Насколько помнил Хромов, этого было вполне достаточно, чтобы буксировать «Тигр», по сравнению с которым Т-28 не то чтобы карлик, но и не Голиаф. Увы, первая попытка разбилась о камни суровой реальности – смерзшаяся земля стала неплохим якорем. Но тут пришла в голову инженерная смекалка, подсказавшая, что есть у человечества такое изобретение, как полиспаст.

К стыду своему, Хромов вынужден был констатировать, что идея эта пришла в голову совсем даже не ему. Теоретически он мог считать себя куда более образованным, чем любой из находившихся у него в подчинении бойцов. По факту же он смог только глазами хлопать. Предложил же идею бывший слесарь-путеец, влившийся в группу после ставшего уже легендарным рейда на бронепоезде. Он же и сам полиспаст соорудил, оккупировав на несколько часов местную кузню. Ее хозяин, правда, не слишком обрадовался такому самоуправству, но попытка качать права усохла на корню, едва староста покачал кулаком перед его носом. В общем, даже помог и не халтурил. Получилось грубо, но крепко.

Извращались с блоками довольно долго, но все же нет техники, неподвластной человеку. И к вечеру, под натужное урчание двигателей тягачей, оставляя за собой борозду, забитую грязным ледяным крошечком, танк оказался-таки на твердом грунте. Можно сказать, первый успех налицо.

Как раз за этой, финальной частью операции и наблюдал Мартынов, прибывший аккурат к концу действия. Позже он честно признался Хромову, что в возможность вытащить танки не слишком-то верил. Он и Сергея-то сюда отправил больше для того, чтобы, передавая местным оружие, тем самым обозначить уровень доверия. Мол, не кого-нибудь присылаю, а целого командира разведки, да еще и с мощной поддержкой. Цените, селяне и селянки! Ну и посмотрел своими глазами – так, на всякий случай. Но молодежь, как это часто бывает, продемонстрировала умение нестандартно мыслить, и вот он, первый результат!

Выдав сию немаловажную информацию, полковник обошел бронированную глыбу льда по кругу, время от времени цокая языком и восхищаясь «раритетом». Ну да, для него и впрямь раритет, а здесь – вполне себе грозная боевая машина, с технической точки зрения малость устаревшая, но все еще способная без особых проблем отправить в металлолом любой немецкий танк. При грамотном использовании, конечно.

– Что, Александр Палыч, нравится машинка?

– Хороша. Всегда мечтал на таком прокатиться.

– Так возрадуйся – у мечты есть шанс сбыться. И присылай механиков – танк придется, чувствую, по косточкам перебирать.

Мартынов кивнул, потом усмехнулся:

– Страну, которая способна производить такое чудо, соседи любить не будут. Слишком уж испугаются.

– Если кто-то не любит Россию, – улыбнулся в ответ Хромов, погладив броню танка, – то Россия имеет право на взаимность.

– Логично. А как с остальными машинами?

– Справимся, было бы время.

С остальными танками дело пошло заметно легче – натренировались уже. Оба легких вытащили с минимальными усилиями. С КВ провозились несколько дольше, все же почти сорок восемь тонн для здешней техники результат выдающийся. Да и засел он намертво. Тем не менее, соорудив еще один полиспаст, его удалось вначале стронуть с места, а потом и вовсе утащить в специально вырытый капонир. К тому времени Т-28 был уже отогрет, разобран практически до состояния запчастей, и теперь их, азартно ругаясь, очищали от могучего слоя грязи немецкие и русские механики.

В ознаменование финала первой части операции учинили большой праздничный ужин. За это время местные уже совершенно привыкли к тому, что в деревне постоянно толпа чужих людей. Да и, откровенно говоря, из-за войны дефицит мужчин был страшный, а тут молодые, крепкие парни... Застоявшиеся парни, чего уж там.

В общем, посиделки не затянулись, и, как только все было выпито, народ рассосался. Впрочем, вымотавшийся за эти дни Хромов последнему обстоятельству был даже рад. Правда, сам остался – сидели они втроем, он, Мартынов и староста, да потихоньку добирали свой градус. Как оказалось, у полковника при себе имелась неплохая заначка. Так что сидели, пили, разговаривали... Потом Хромов почувствовал, что уплывает куда-то, выпадая и из разговора, и из реальности. В адекватное состояние он вернулся через несколько минут, как раз, чтобы услышать обрывок разговора:

– ...Я вас не вполне понимаю, если честно. Вы не хотите в колхозы – ладно. Это совершенно нормальный процесс, мне сие изобретение тоже не слишком нравится. Пришли немцы, отменили колхозы – вы помогаете нам. Если без любви к Родине – любовь вообще штука абстрактная – почему?

– Вы ради пустого интереса спрашиваете, полковник, или есть за этим вопросом еще что-нибудь?

– Есть, конечно. Мне надо понять, кто рядом со мной. Случайный и ненадежный союзник, интересы которого пересекаются с нашими в одной точке, после которой пути разойдутся навсегда, или нечто большее. Согласитесь, без этого планировать что-то довольно сложно.

– Без любви, говорите? – староста подпер кулаком щеку. – Ну почему бы и нет. Лично для меня все просто. Я к ним еще с той войны счет имею.

– Воевали?

– Да. Матросом. Был ранен, попал в плен.

– При Моонзунде?

– Заметно раньше. Еще до февральских, – староста брезгливо скривился, – подлостей. Ставили минную банку, попали под обстрел. Попаданий не было, но когда реверс дали, наш тральщик потерял ход – слышали, небось, какое барахло на такие дела выделяли. За ночь отнесло в сторону, потом на нас вышел германский эсминец. Командир у нас храбрый... был. Прапорщик по адмиралтейству Селиванов. Флаг спускать отказался, сам встал к орудию. У нас одно на три дюйма, у немца – четыре, да и калибром поболее... Восемьдесят восемь миллиметров. Они в нашем инвалиде дырок понаделали, как в головке сыра.

– В плен тогда и попали?

– Ну да. И очень хорошо помню: нас за людей не считали, кормили, будто свиней. А потом и вовсе перестали. Видел бы ты, полковник, сколько людей готовы были нательный крест отдать за кусок хлеба... Хотя ты ведь коммунист, тебе все равно. Не знаешь даже, небось, что такое для православного человека крест.

– Почему же, – хмуро ответил Мартынов. – Знаю. Вполне. Я не из тех, кто называет уродов людьми альтернативной внешности.

Сентенция была не вполне в тему и, кроме того, совершенно в этом времени незнакомая, но староста понял. Кивнул:

– Ну, тогда понимаешь, что есть вещи, которые не прощают. Что забыть подобное – стать подлецом. – Если жизнь учит подлости, стоит ли становиться отличником?

Оба собеседника обернулись к выдавшему сию глубокую мысль Хромову. Староста несколько секунд рассматривал его так, будто видел впервые, потом губы его разошлись в кривоватой усмешке:

– Знаешь, полковник, а твой помощник – умный малый. Далеко пойдет.

– Куда пошлю – туда и пойдет. А сейчас ему пора бы и баиньки...

Действительно, пора. Хромов встал, покачнулся... Точнее, его шатнуло. Все же последние сто грамм были лишними. А, плевать. Он вновь рухнул на лавку и прямо здесь, в уголке, выключился.

– И все-таки красавец. Умели предки brutальные вещи делать...

Мартынов кивнул, задумчиво разглядывая трехбашенное чудовище, окутанное клубами дыма. Перебранный, что называется, «по косточкам», танк завелся с первой попытки, но дымил пока что, как паровоз. Вокруг танка суетились механики, пытаясь сообразить, что они сделали не так, или же просто все само устанится, когда двигатель наконец-то прогреется. – Это радует – задумчиво ответил, наконец, полковник. – Я, к слову, не раз слышал, что в бою этот танк показал себя очень неплохо. Во всяком случае, равных ему пока немного.

Действительно, Т-28 не только выглядел грозно, но и вооружен был неплохо. Короткоствольная трехдюймовка примерно соответствовала по возможностям немецким Pz. IV. Да и броня, с учетом экранов, была не хуже, с бортов даже лучше. Единственно, пулеметные башенки с их относительно малыми секторами обстрела и неважной защитой для стрелков выглядели откровенно лишними. Ну и размеры... Вполне сравнимы с недоброй памяти «Абрамсом», а по высоте чудо советского танкопрома даже и повыше будет, что для скромных характеристик явное излишество.

Хромов еще немного полюбовался на гиганта, к слову, дымящему уже вроде как поменьше, посмотрел на остальные приобретения. Уже полностью отогретые и сверху даже очищенные от грязи БТ как раз сейчас пытались реанимировать. КВ пока ждал своей очереди. В баках его солянки, правда, было совсем немного, но, как успел сообразить Хромов, у них часть грузовиков на дизелях, так что топливо имеется. Пожалуй, когда танки введут в строй, можно будет учинить куда больший тарарам, чем раньше.

– Я бы на твоём месте не спешил радоваться, – немного осадил его пыл Мартынов. – Нам лишний раз светиться не стоит.

– Это почему? Сейчас мы можем размазать какой-нибудь танковый батальон.

– Потенциально высокая эффективность может оказаться не меньшей проблемой, чем низкая.

– Это как?

– Ну вот тебе исторический пример из курса средней школы. Как Рим победил Македонию. Помнишь? – Гм... – Хромов задумался. – Кажется, в учебнике писали, что македонская фаланга на пересеченной местности потеряла монолитность строя, и легкая пехота, в основном греческие наемники, ворвались внутрь ее строя. Греки, кстати, были в той войне на стороне римлян, поскольку им обещали независимость от Македонии. Так что воевали они храбро и моментом воспользовались, первыми оказавшись внутри построения македонян. Там длинные копья македонцев...

– Сариссы.

– Что?

– Копья фалангистов назывались сариссами, – пояснил Мартынов.

– Ну, пусть так, хотя вряд ли это важно. Главное, они оказались чрезмерно длинными, а потому бесполезны в рукопашной. В общем, получилась резня.

– В известной степени, так и было. Но не совсем.

– То есть?

– Дело в том, – Мартынов откинулся назад, упершись лопатками в стену, – что в обеих армиях был весьма разношерстный состав. Ядро, так сказать, из стержневой нации плюс куча союзников. Они отличались как по выучке, так и по вооружению. Греков, кстати, хватало с обеих сторон, хотя не в этом суть. Так вот, в те времена прием «слабый центр, сильные фланги» еще был не то чтобы неизвестен – скорее, не особо применялся. Македоняне расположили свою

фалангу в центре, и она прекрасно себя показала. Не было никакого разрыва строя, передовые части римлян были смяты. А вот союзники на флангах продвигаться с той же интенсивностью не смогли, отстали... В результате фаланга оказалась с открытыми флангами, куда римляне и ударили. Вот тогда уже получились и разрыв строя, и потеря управления войсками, и прочие радости жизни. Однако все это не потому, что фаланга была плоха, а лишь из-за несбалансированности армии.

– Ладно, вот только какое это имеет отношение к нам?

– Самое прямое. Да, сейчас мы сильны и эффективны, однако ровно до того момента, как против нас развернут кадровые части с реальным боевым опытом. Пока наши удары можно сравнить с укусами пускай не комаров, но хотя бы слепней, мы в относительно комфортных условиях. От нас могут отмахиваться, могут попытаться прихлопнуть, но все это походя, не отвлекаясь от главной задачи. А значит, тихой сапой и не торопясь мы вполне можем нанести противнику урон в совокупности куда больший, чем если единовременно вложимся в крупную акцию. И останемся при этом в числе живых. Согласись, тоже немаловажно... На громкую же операцию фрицам отреагировать придется, а полнокровная дивизия раскатает нас в блин походя. Что там дивизия – полка хватит... Надеюсь, ты помнишь, чем закончилась твоя предыдущая эскапада?

Хромов вздохнул. Ставший уже почти легендарным рейд на бронепоезде качественно разворошил осиное гнездо. Он тогда успел все же уйти, оказавшись последним, кто вырвался из кольца. Немцы же, уверенные, очевидно, в том, что такой шухер одним лишь бронепоездом с малым экипажем не навести, больше месяца кошмарили огромный район. Сообщников, небось, искали.

Следующая мысль, пришедшая ему в голову, была совершенно неожиданной. Пару секунд обдумывая ее, Хромов пришел к выводу: а ведь может быть и так. Еще пару секунд подумал и осторожно спросил:

– Слушай, Александр Палыч... Так ты из-за этого не пытаешься на связь с нашими выйти?

– Ну, разумеется, – усмехнулся полковник. – Только догадался?

– Знаешь, даже подумать не мог...

– А зря, думать – оно полезно. Все просто ведь. Если я выйду на связь с командованием... В общем-то, это возможно и даже не очень сложно. Радиостанции у нас есть, не хватит мощности – соберем что покруче, это несложно. И после этого мы с большой вероятностью погибнем, потому как нас незамедлительно попытаются загрузить чем-то нереально важным. Может стать, действительно важным и масштабным. Тем более, танков у нас сейчас поболее, чем в иной дивизии. Очень может стать, погибнем с честью и пользой. А может, и выживем, решив задачу фронтового уровня. Помечемся, как травленные зайцы, а потом нас все равно накроют.

– Как-то мрачно...

– Запомни, малыш, война – это цепь разменов. И если командованию разменять нас, к примеру, на время покажется выгодным, это будет сделано не задумываясь. Но ни я, ни ты в подобном размене не заинтересованы, понятно?

– А отказаться...

– Объявят предателями. И будем мы тогда чужими для обеих сторон. Тоже не самый лучший вариант, поверь.

В общем, поводов для размышления тот разговор оставил изрядно. Хорошо еще повод был, а вот со временем дело обстояло как-то не очень. Слишком много времени и сил занимала возня с наследием минувших боев. И если Т-28, прогретшись, вполне уверенно поехал, благо конструкция была хорошо доведенная до ума и весьма надежная, то с остальной техникой дело обстояло хуже.

Оба БТ упорно отказывались заводиться. К слову, оба были в дизельной версии. Их перекопали, такое впечатление, до последнего винтика, но пока что даже золотые руки немецких специалистов не могли заставить бывшие авиационные, а ныне танковые движки заработать. Что, между прочим, говорило об их качестве не самое лучшее.

А вот КВ завелся, причем с первой, случайной попытки. Один из танкистов, умник, решил проверить: а вдруг? И ведь сработало! Двигатель взревел, окутался сизым дымом и неожиданно ровно застучал. Вот только как бы хорошо ни работал двигатель, если трансмиссия – ком смерзшейся грязи, танк все равно с места не сдвинется. И в результате еще неделю пришлось потратить на приведение ее в божеский вид. Что для такого гиганта, да еще и с помощью только лишь подручных средств, настоящее достижение.

Зато пока занимались приведением танка в божеский вид, произошло сразу два события, изрядно встряхнувших их местечковое болото. И нельзя сказать, что эти события были радостными. Хотя одно из них таковым оказаться было вроде бы просто обязано. Если конкретно, началось-таки контрнаступление под Москвой.

В том, становившемся не то чтобы забытым, а, скорее, подернутым дымкой, будто огороженным матовым стеклом, родном мире, Красная армия рванула вперед еще в декабре сорок первого года. И неплохо так рванула, местами отбросив немцев километров на двести. Так, что Гитлеру пришлось использовать заградотряды, иначе отступление его армий превратилось бы в паническое бегство. Не везде, конечно, русским сопутствовала удача, но все же общий результат оказался более чем неплохим.

Здесь и сейчас расклады оказались совсем иными. Во-первых, среди участников не оказалось такой знаковой фигуры, как Жуков. Во всяком случае, такой вывод можно было сделать на основании данных радиоперехвата, который у Мартынова ныне был поставлен на широкую ногу. С легкой руки Хромова, успешно использовавшего этот метод во время своего рейда, бойцы принялись тащить все, что имело хоть какое-то отношение к радиodelу. Образовалась большая куча радиохлама, но из этого барахла знающий человек может собрать многое. Да и вполне исправных радиостанций хватало, что русских, что немецких. В общем, эфир ныне слушали двадцать четыре часа в сутки на всех доступных частотах. А уже на основании полученной информации Мартынов реконструировал события. Как он сказал, его этому учили.

Так вот, Жуков наглухо засел в Ленинграде, где наладил устойчивую оборону и, кроме того, сумел пробить достаточно широкий коридор, по которому было налажено снабжение города. В общем, как бы ни твердили в будущем, что Жуков – мясник, заваливающий немцев трупами, по факту он был вполне компетентным и грамотным полководцем.

Зато под Москвой отметился Буденный. В той истории, как рассказал Мартынов, он командовал Резервным фронтом, который бездарно раздергали, затыкая дыры в обороне. К началу контрнаступления никаких значимых должностей он не занимал. Здесь и сейчас же фронт сохранился – видать, ситуация была малость благопристойнее. И, соответственно, его войска были введены в дело куда более массово.

По всему выходило, что сил и средств не только сохранили, но и подтянули, мобилизовали, подготовили куда больше, чем в родной истории. Следовательно, и результат должен был выглядеть куда интересней. Но сложилось как-то не так.

Не было прорывов, охватов, угроз окружения. Немцев тупо давили, используя численный перевес. Давили сильно – захватчики пятились, иной раз довольно шустро, но чего-либо похожего на панику не проявилось. Зато Красная армия довольно быстро растеряла наступательный задор и большую часть танков. В общем, наступил коллапс, а с ним и угроза, что фрицы соберутся с силами и переломят ход сражения. В конце концов, еще недавно подобное у них прокатывало, и какой-нибудь Клейст, Манштейн или вроде бы оправившийся от ранения Гудериан, найдя слабое место и как следует туда ударив, вполне могли развалить советский фронт, особой устойчивостью в этот период не отличающийся.

Как ни удивительно, ситуацию немного спас Буденный. У старого кавалериста на тот момент оставалось не так много войск. Практически все, что у него было, раздергали-таки на вспомогательные нужды. Однако четыре кавалерийские дивизии он все же наскреб и, видимо, решив вспомнить молодость, зашел с тузов. Получилось на удивление неплохо.

Пользуясь тем, что фронт в период таких операций никогда не бывает сплошным и стабильным, он лично возглавил кавалеристов и ухитрился виртуозно, как через игольное ушко, протащить их лесами. Не только собственно кавалеристов с легким стрелковым вооружением, но и артиллерию, службы тыла, даже танкистов с их легкими машинами, но громоздкими службами обеспечения. В общем, нежданно-негаданно в тылу у немцев образовалась мощная группировка. А когда озверелые кавалеристы гуляют по тылам – это страшно.

В общем, тогда немцев и опрокинули. К сожалению, на достаточно узком участке фронта, но все же и это на общем фоне выглядело успехом. Заставили врага отступить не столько даже потери, сколько полная дезорганизация логистики. Все же кадровые солдаты – это вам не партизаны, для которых один рельс испортить – уже достижение. Фактически кавалеристы оседлали железные дороги, уничтожили или захватили десятки складов, блокировали подход немецких подкреплений, да и с трудом держащие фронт части получили ощутимый удар с тыла. Правда, и цену за это пришлось заплатить немалую – достаточно сказать, что сам героический маршал был награжден Звездой Героя в госпитале, куда его привезли с тяжелыми ранениями обеих ног. Однако вряд ли он жаловался...

В общем, какая-никакая победа все же была, но хиленькая, откровенно говоря. Учитывая расклады, даже обидно. Мартынов же и вовсе злобно фыркал и утверждал: все из-за того, что к планированию опять подпустили Баграмяна. А на вопрос Хромова, при чем тут советский маршал, лишь усмехнулся:

– Маршалом он станет позже. Намного позже. Пока же он штабной. И, на мой взгляд, не самый лучший.

– То есть?

– Ты слышал о провале наступления на Харьков?

– Читал когда-то... Вроде там Тимошенко накосячил?

– И он тоже. Но Тимошенко просто сделали крайним. Дескать, он был главным – ему и отвечать. Логика есть, конечно, только ущербная. На самом деле, этот ушлый хохол дело знал туго. А вот ступенькой ниже хватало тех, кто натворил ошибок. И Баграмян – один из них. Там недоработки штаба изо всех щелей лезли.

– Вот оно как... – задумчиво протянул Сергей.

– Именно. Да и вообще, хотелось бы мне на него посмотреть внимательно. Он ведь еще и армянский националист. Наворотил дел в годы революции. Впрочем, тогда все косячили...

– Вот черт... И что, в целой армии никто не видит?

– Остальные не лучше. Да и... Знаешь, откровенно говоря, нет у нас армии. Нет!

– В смысле?

– В прямом. Наши солдаты не хуже германских. Лучше даже. Наша техника мощнее. Но армии как таковой у нас нет. Есть люди и техника, но управляемость теряется где-то на уровне дивизии. Взаимодействие танкистов и авиации, например... Ты где его видел?

Мартынов, которому, видимо, хотелось выговориться, продолжал еще долго, но Хромов уже не слушал. Мир в очередной раз показал, что он сложнее, чем кажется, и мозгу требовалось время, чтобы воспринять новую информацию.

А потом произошло второе событие, да такое, что все задвигали ягодицами вдвое быстрее. И называлась картина «явление карателей народу».

Выглядело это так. Где-то к вечеру в деревню галопом влетел конь, на крупе которого без седла, вцепившись обеими руками в гриву, распластался едва одетый пацан лет двенадцати. Без шапки, босиком, в какой-то непонятной телогрейке на плечах... В общем, учитывая

зимнюю пору, такая морозостойкость выглядела круто. И недвусмысленно показывала всем собравшимся – случилось что-то по-настоящему серьезное, ибо в ином случае нормальный человек так бы себя не повел.

Мальчишку сдернули с лошади, унесли (на ногах он уже не держался) в дом, растерли самогонкой, немного влили и внутрь. А еще через несколько минут, самую малость придя в себя, он начал говорить, торопливо и сбивчиво. Так, словно его сознание уплывало, стараясь отойти как можно дальше от реальности. И парня можно было понять.

До села, в котором он жил, большого, под сотню дворов, было порядка сорока километров. И с утра в него вошло подразделение немцев. Крайне неприятно, однако не критично – случалось уже такое, и не раз. Все же расположилось село на достаточно крупной дороге, по которой немцы ездят не то чтобы каждый день, однако довольно регулярно. Так что заезжали уже не раз и не два. Гарнизона, правда, не оставляли, по их мнению, хватало старосты и нескольких полицаяв, которые, надо отдать должное, хоть и пошли служить к немцам, но больше для виду. Положено – нате вам местную власть и местное же вооруженное формирование. Своих не забижали, даже за десятком местных коммунистов, решивших организовать партизанский отряд (а вот это уже интересней), охотились чисто формально. Проще говоря, когда партизаны являлись в деревню, чтобы навестить семьи, у полицаяв наступала временная слепота. Короче, обычная стратегия выживания на захваченной врагом территории.

Так вот, появление немцев вначале казалось неприятной рутинной. Вот только никто даже не подозревал, насколько она окажется неприятной. Поскольку немцы с какого-то перепугу решили провести акцию устрашения. В общем, деревню помножили на ноль. Полицаяв, во главе со старостой, расстреляли. Мужиков повесили. Женщин и детей загнали в колхозную конюшню, благо она была здоровенная, приперли двери и подожгли. Хромов подобное уже видел, и не раз. Мерзкая ситуация, хотя по нынешним временам и вполне обычная.

Ругался народ, конечно, здорово. Не стеснясь ни женщин, ни детей, которых выгнали, разумеется, но они наверняка подслушивали. И, как это часто бывает в такие минуты, каждый ругался на привычном с детства языке – русском, украинском, татарском, казахском, даже на идише. А парень вдруг вскочил и заорал, тыча пальцем в Ильвеса. А потом схватил со стола нож и прыгнул на него через всю комнату не хуже, чем иная рысь...

Хромов и Селиверстов нашли товарища как раз в момент, когда он с эстонской педантичностью заканчивал сборы. Даже не обернулся, когда они вошли. Хромов несколько секунд наблюдал за процессом, оперевшись о стену, а затем поинтересовался:

– Далеко собрался?

Тоомас не ответил, лишь зло дернул щекой с длинной свежей царапиной. Мальчишку успели, конечно, перехватить, но он почти достал не ожидавшего подобных эксцессов разведчика. Во всяком случае, если бы не отменная реакция стоявшего рядом с Ильвесом бойца, ходить бы ему без глаза. А так – даже шрама не останется. Наверное...

Видя, что слова не помогают, Селиверстов подошел, взял Ильвеса за плечи, резко встряхнул. Тот дернулся, освобождаясь, выругался, мешая русские и эстонские слова. Хромов, наблюдая за этим цирком, стукнул кулаком о стену. Так, что бревна заудели.

– Отставить истерику!

Ильвес резко повернулся. Хромов мысленно присвистнул. Зря говорят, что эстонцы – заторможенные флегматики, совсем зря. Таким бешеным взглядом, наверное, можно было резать металл не хуже лазера. Вот только бешенство плохой советчик в бою, и чем сильнее полыхает в глазах огонь, тем меньше живет их обладатель.

– Старшой, ты меня не держи.

– Успокойся. Ну, оказались там твои земляки – что с того? Уроды везде встречаются.

Действительно, все просто ведь. Немцы грязную работу делать частенько брезговали, вот и использовали для этого зондер-команды из коллаборационистов. О том, что в них частенько

брали хохлов и прибалтов из тех, кому новая власть не сильно нравилась, Хромов в своем времени слышал не раз. Иное дело, что там вроде бы процесс массового набора предателей начался позже, но здесь и сейчас история развивалась чуть иначе и в общем и целом пока не столь благоприятно для немцев. Так что могли и раньше подсуетиться, почему нет.

В общем, отбрасывая лирику, в сухом остатке получалось, что в сожженной деревне поработали эстонцы. Может, не только они, но эстонскую речь спасшийся опознал четко. Именно по ругательствам – сам-то он в языках не разбирался, но то, что выдал Ильвес, один в один совпадало с руганью многих карателей. И сейчас Ильвес намерен был пойти и убить всех, кто опозорил его народ. И тот факт, что его грохнут моментально, роли сейчас не играл ни малейшей.

– Старшой, я все равно пойду.

– Да пойдешь, пойдешь, куда ж ты денешься, – Хромов хлопнул товарища по плечу, вроде как примирительно, однако на самом деле для того, чтобы иметь повод стоять рядом. И, если тот попытается надеть глупостей, вырубить его быстро и без вреда для здоровья. Уж что-что, а это он умел. – Только, извини уж, не один. Вместе пойдем.

– Не доверяешь?

– Не хочу терять хорошего бойца. Одного тебя положат, а вместе...

– Положат троих?

– С ума спятил? Всей группой пойдем. Возьмем пару танков и закатаем их в землю.

Понял?

– А вот танки я вам использовать категорически запрещаю.

Все трое подпрыгнули, как по команде поворачиваясь в сторону двери. А там стоял и устало глядел на них полковник Мартынов. Улыбнулся одними губами, как матерый волк – глаза остались спокойными, жесткими.

– Почему?

– Сергей, вот ты умный, а иногда такие дурные вопросы задаешь. Сам подумай. Если немцев раскатать танками, то как только их командование узнает – а оно узнает, поверь, – на нас разом начнется охота.

– Она в любом случае начнется.

– Да, но это будут полицейские силы, а не полноценная войсковая операция. Нам пока не стоит лишний раз светиться. В прошлый раз едва ушли, сейчас может так и не повезти. В общем, бери своих людей, можешь еще кого, если сочтешь нужным, и работай. Зря я вас, что ли, учил. В общем, это не должно ничем отличаться внешне от мести обычных партизан. Все ясно?

– Ясно, – мрачно кивнул Хромов. Остальные тоже были, похоже, не согласны с полковником, но спорить никто даже не попытался, дисциплина наше все.

– Я бы вас вообще не отпустил, если честно.

– Полковник, иди к черту. После того, что эти скоты натворили, ты уж извини, но не могу я так сидеть.

– Хочешь развеяться? Дождись кремации. Спокойно, не скалься, это я так, нервы уже тоже ни к черту. Обещай только на рожон не лезть.

– Постараюсь.

– Вот и ладно. А сейчас спать. Выходите завтра утром.

Село производило какое-то inferнально-жуткое впечатление. Как Хромов читал (да и видел уже не раз), когда немцы учиняли геноцид, деревни они попросту сжигали. Но здесь и сейчас было иначе. Дома стояли целыми. Наверняка их пограбили, конечно, однако со стороны это не слишком бросалось в глаза. Так вот, стоят целые дома – и никого живого. И это было по-настоящему страшно.

Трупы нашли уже потом, когда, осмотревшись издали и убедившись, что засады нет, рискнули войти. Тела повешенных были, как ни странно, сняты и сложены в аккуратную «поленницу». Тех, кого сожгли... Они не сгорели даже, огня на это не достало. Просто задохнулись в дыму. Хромов был уверен, что уже всякого навидался и зачерствел душой, но детские трупы рядом с матерями, которые не смогли их защитить...

Сознание как будто отключилось, и следующее, что он помнил, это как сидит на скамейке, наполовину занесенной снегом. Наверняка раньше на ней любили сживать бабушки, те, что сейчас лежали там же, рядом с внуками. А теперь сидит он и, хотя вроде бы не курил, смолит здоровенную самокрутку. Похоже, не первую.

– На, старшой...

Хромов не глядя принял из рук Селиверстова флягу, отхлебнул, не чувствуя вкуса. Потер виски:

– Вот ты скажи мне, что мы им сделали? За что они так? За что?

– Не знаю, старшой, – аккуратно смахнув рукавицей снег, товарищ сел рядом. Его тоже пробрало, но не так сильно. Видать, психика здоровая, интернетом да гуманностью не измученная. – Но прощать такого нельзя.

– Нельзя, – согласился Хромов. Посмотрел на худую рыжую кошку со слезящимися глазами, выглядывающую из-под крыши соседнего дома. Возможно, последнее живое существо в этом селе. – Пошли связного к полковнику, пускай здесь похоронят всех, что ли. А нам ждать нельзя. Вряд ли эти козлы успели далеко уйти.

– Вряд ли, – согласно кивнул Селиверстов. – А и успели – наследили один черт знатно. Найдем.

И нашли, что характерно. Гнали, не жалея лошадей, и к исходу второго дня смогли догнать карателей. Те не слишком-то и торопились, явно чувствуя себя хозяевами положения. Человек с полсотни, если не больше, целый санный поезд. Что же, их больше, но, как говорил Суворов, не тот, который Резун, а настоящий, русский, врагов надо бить, а не считать. Так что оставалось только обогнать врага, что не по дороге, а по лесу незаметно было не так-то просто сделать, ну а потом – дело техники.

Фланговый огонь из четырех пулеметов, обслуживаемых хорошо натасканными, успешными не раз поучаствовать в бою расчетами, штука страшная. А немецкие MG-34 – оружие по-настоящему убойное и надежное, не зря же его используют и в двадцать первом веке и не кривятся. Мощный патрон, неплохая по любым меркам надежность. Тысяча двести выстрелов в минуту – настоящая коса смерти. Трехсотпатронные короба опустошились практически мгновенно. И, в принципе, все. Группе, зашедшей карателям с тыла, не пришлось даже никого добивать – живых просто не осталось.

– Перестарались, – задумчиво сказал Хромов, носком валенка отбросив в канаву чью-то оторванную руку. – Допросить некого.

– Это точно, – задумчиво отозвался следующий за командиром по пятам Селиверстов. Остальные бойцы тем временем собирали трофеи да скидывали с дороги сани, убирали трупы людей и лошадей. Хоронить их никто, разумеется, не собирался, но прибраться за собой все же стоило. Просто для того, чтобы не обнаруживать раньше времени своего присутствия. Так что скинуть на обочину, а снег завершит начатое. – Хотел бы я знать, кто отдал приказ.

– Ну, как раз это несложно, – Хромов потер успевшую порядком отрасти щетину на подбородке. Вроде бы и притерся уже к этому миру, но периодическое отсутствие элементарных бытовых удобств его по-прежнему бесило. – Если верить карте, тут до города километров десять. Из него эти умники вышли, туда же и возвращались. Вот и предлагаю туда смотаться да поспрашивать.

– А что... – Селиверстов его замысел понял мгновенно и так же быстро с ним согласился. – Взять «языка» – не проблема. Главное, чтоб его быстро не хватились.

– Посмотрим, – Хромов щелкнул пальцами. – Все, заканчиваем тут и уходим. К ночи желательно быть на месте. А то этих, – он брезгливо кивнул на останки карателей, – наверняка ждут. Сутки задержки вряд ли кого-то всерьез заставят нервничать, но лучше не рисковать.

Город оказался из тех, что ему пришлось здесь повидать уже немало. Выросший при железной дороге, скорее, поселок-переросток, отличающийся от крупной деревни разве что несколькими кирпичными домами. Ну, депо-склады-вокзал. И венец эволюции – речной порт, ныне по причине зимнего времени не действующий. Хотя, к слову, зря. Речка здесь была не переплюйка, а вполне себе ничего, метров полста шириной, и не замерзала. Так, пара метров тонкого льда вдоль берегов – меньше, чем ничто. Впрочем, ничего удивительного, даже в эту считавшуюся суровой зиму морозы, на взгляд Хромова, были так себе. Не север и даже не Подмосковье, поэтому, хотя мелкие речки все же подернулись льдом, те, что пошире, плевать хотели на время года.

Итак, вполне себе транспортный узел местечкового значения. И на все это богатство пять тысяч или около того населения. Это Сергей помнил точно – зря, что ли, полночи с картой сидел? Детального плана города он, конечно, не знал, но тут особо и заморачиваться нечего. Наверняка как в Америке – авеню-авеню-авеню-стрит-стрит-стрит, разве что узенькие, кривые и хаотично перемешанные. Для местных, родившихся и выросших здесь, никаких проблем. Для пришлого – сплошной геморрой, одинаковый что для русских, что для немцев. А значит, они инстинктивно предпочтут держаться центра города, который очень даже неплохо просматривался с ближайшего холма даже в вечерних сумерках. И свет из окон нескольких зданий лился самый что ни на есть электрический. Вопрос: и кто ж у нас может позволить себе здесь такую роскошь?

Ответа на этот риторический вопрос ждать пришлось недолго. Больше времени потратили, крадучись продвигаясь в сторону центра города. Не стоило привлекать внимание, местные способны сдать безо всяких моральных терзаний, просто из чувства самосохранения. До момента, когда немцев возненавидят так, чтобы о нем забыть, пройдет еще немало времени.

А в центре – лепота. Электрогенератор давно отработал свое и теперь остывал. То ли фрицы горючку экономили, то ли он тархтел столь громко, что мешал спать. Равновероятно, к слову. И, соответственно, все погрузилось в благословенную темноту, которая в эпоху, когда о ПНВ еще мало кто слышал, верный соратник разведчика. Свет керосиновых ламп в паре окон едва пробивался сквозь темноту. И это тоже радовало – значит, кто-то из немцев дисциплинированно бдит. Остается лишь занять стратегически выгодное место у сортира и подождать, когда бдящему приспичит и он сюда примчится, сверкая пятками. Фриц – он дисциплинированный и культурный, ему эти качества палками несколько столетий вбивали. Стало быть, отливать у стены не будет. В общем, культура – это хорошо, но слишком уж предсказуемо.

Ждать пришлось долго – видать, напуганный морозами фриц крепился до последнего. Однако естество взяло свое, и примчался, ругаясь под нос. Хромов поднатаскался за последнее время немного в языке, спасибо общению с пленными, но понять в этом бормотании смог немного. Лишь то, что это и впрямь ругань, да что недоволен фриц Россией вообще и зимой в частности.

Наверное, когда он пришел в себя, ощущая легкую головную боль и сырость в штанах, настроение упало еще сильнее. Вот только Хромову до этого особо дела не было. Он, значит, старался, вырубая этого... не бугая, конечно, но и не совсем задохлика. Потом на себе пер, в снегу застревая. Притом, что фрица в эти края никто не звал. И что теперь, ублажать его, чтобы недовольство сгладить? Да не дождетесь!

В общем, кололи они немца не то чтобы жестко, но эффективно. Ильвес, выступавший в роли переводчика (Платов остался при Мартынове, что было логично и правильно – все же там хороший специалист по языку нужнее, а для полевого допроса и боевого эстонца достаточно), задавал вопросы, а Хромов делал зверское лицо да крутил в пальцах нож. Пленный, ни на

секунду не сомневаясь, что оружие будет при нужде моментально пущено в ход, запирались не пытался. В качестве поощрения он получил быструю смерть, и это, стоит признать, было далеко не худшим, что могло с ним случиться.

Сам по себе ефрейтор, даже штабной (хотя какой тут штаб – смех один), сошка мелкая, но знает он порой больше, чем многие офицеры. Особенно если офицер из фронтовиков – что, к примеру, комвзвода может знать? Его предел – уровень максимум роты. А вот незаметная штабная крыска где-то что-то увидит, где-то что-то услышит... И уж как минимум знает, где квартирует тот, кто осведомлен еще больше. В гости к этому, потенциально ценному, источнику информации Хромов со товарищи и отправились.

На сей раз вперед отправился Селиверстов. Хромов с Ильвесом встали у стены и, сцепив руки, в одно движение забросили разведчика на окно второго этажа. Прием этот они отрабатывали уже не раз, так что получилось неплохо. А буквально через пару минут Селиверстов выкинул из окна в ближайший сугроб качественно спеленатого и, похоже, не понимающего, что с ним стало, «языка». Все, теперь бегом-бегом-бегом!

Пленный оказался лейтенантом не то чтобы предпенсионного возраста, но и далеко не первой свежести. Лет сорока с небольшим, и, как обратил внимание Хромов, здесь сорокалетние выглядели куда хуже, чем в его родном времени. Там иные и в шестьдесят моложе – все ж изменилась жизнь.

Так вот, лейтенант этот, как и недавний ефрейтор, запирались не пытался. Похоже, в отличие от мальчишек с промытыми мозгами, на жизнь он смотрел куда рациональнее. Хромов уже не раз брал «языков» и помнил, скольких трудов может стоить допрос выкормышей гитлерюгенда. Вон, одного не так давно потрошили. Сержант всего-то, а держался до последнего. И когда уже, казалось, все, поплыл, растекся по табурету, попросил закурить... Народ малость расслабился, а этот гад сигарету высосал да с разворота ближайшему в рожу засадил. Ухитрился оружием завладеть, пришлось его пристрелить. Сволочь, конечно, однако же сложно не уважать. Этот же лейтенант героя из себя строить не пытался, сидел на снегу, упершись взглядом то в землю, то на отчаянно мерзнувшие босые пятки, да отвечал на вопросы.

Убивать его не стали. Заткнули рот, чтобы не заорал ненароком, и собрались на короткое совещание. По всему выходило, что расклады более чем неплохи. Гарнизон – несчастные три десятка олухов. Не самых крутых – в гарнизонах фрицы оставляют кого поплоше. Никакой бронетехники. Да и вообще никакой техники, единственный грузовик, советская трофейная полуторка, стоит в сарае с разобранным двигателем. Связь телефонная. По железнодорожной ветке ползает один поезд в два-три дня по причине ее совершенной невооруженности. В общем, расклад такого уровня, при котором партизаны, обычные, а не их пусть доморощенная, но все же успевшая неплохо натаскаться за последнее время диверсионно-разведывательная группа, а значит, все сойдет за месть этих самых партизан, как и хотел Мартынов.

Вот так. Пока немцы поднимут тревогу, пока сюда прибудет кто-то для проверки, времени пройдет немало. С большой долей вероятности, снег успеет скрыть все следы. А и не скроет – один хрен не страшно. Фрицы по лесам меньше чем ротой не ползают. Желательно с танком, чтобы уж наверняка. Пока еще соберутся, точно все следы заметет.

Единственно, время поджимало. До рассвета его оставалось не то чтобы много. А там начнутся телодвижения – гарнизон хоть и забил болт на службу, единственный дежурный ефрейтор показатель, но когда проснутся, несуразности в виде отсутствия командира заметят довольно быстро. А значит, работать следовало в темпе.

Я так скоро до маньяка дорасту, час спустя думал Хромов. Заслуженный маньяк Советского Союза, блин! Зачерпнул снег, тщательно оттер снегом руки. Бросил взгляд на одежду, брезгливо сморщился. Как со скотобойни, право слово. Не получается аккуратно, хоть ты тресни. Да и будешь тут аккуратным, когда из иного здоровяка как из быка хлещет.

Немцев они резали без малейшей жалости. Обложили со всех сторон казарму (Сергей так и не поинтересовался, чем это здание было до прихода врагов), после чего Хромов и еще четверо бойцов занялись малопочетной, но эффективной резбой по чужой кости. Можно было перепоручить это бойцам, но уклоняться от грязной работы не стоило – авторитет зарабатывается тяжело, а теряется в один момент, и прослыть чистоплюем значило сделать к этому первый шаг.

Вот и отработали. Измазались, как черти. Все, кроме Шимаева – этот татарин оказался умнее всех. Или, может, слышал о подобном от кого-то из стариков. Вооружился штыком от трехлинейки, вставлял его выбранному спящему фрицу в ухо, а потом резким ударом кулака вгонял в мозг. Быстро, аккуратно, практически бескровно. Кулаки же у Шимаева были здоровенные.

Сзади чертыхнулся Ильвес. Тоже пошел в самую кровь. Торкнуло парня, лезет всюду. Смерти не ищет, и то ладно, однако же надо за ним присматривать. Как бы не сорвался... Черт, еще и эта напасть. Тяжела ты, доля командира...

– Селиверстов!

– Я!

– Возьми людей, проверь тут все. И найдите в этом свинарнике несколько помещений, чтоб нам отдохнуть. А то свалимся раньше времени. А здесь протоплено и прачечная есть.

– Проще быстренько прибраться.

– На твое усмотрение. Да не сами, людям отдохнуть надо. Притащите кого-нибудь из местных.

– А...

– Пускай работают на победу, а не под фрицем штаны просиживают. Все, давай бегом. Томас, за мной!

Как ни крути, а Селиверстов – талантливейший организатор. Не зря Громов его выделял. На стратегическое планирование не замахивается – вполне может стать, что и сумел бы, но понимает субординацию. Тем не менее, поставь ему задачу в самых общих чертах – и решит моментально. Вот и сейчас, не успел Хромов дойти до немецкого штаба, как работа закипела, откуда-то появились люди, начали выбрасывать на улицу трупы, бабы с ведрами и тряпками побежали. Шустро, ничего не скажешь. Впрочем, парень, успевший стать матерым душегубом, умел быть убедительным.

Ну а Хромова ждал совсем другой разговор. Немецкий лейтенант сидел в караулке и выглядел подавленным, как улитка под катком. Все же резко изменилась у человека жизнь, ничего не скажешь.

– Ну что, Штокман, расклеились? – Хромов уселся на табурет как раз напротив немца. Представил, как сейчас выглядит, весь в пятнах незасохшей даже крови, поморщился. – Скажите, а вы, часом, не еврей?

Ильвес, дисциплинированно стоящий позади него и чуть слева, аккуратно перевел и шепотом поинтересовался:

– Командир, у него ж фамилия немецкая?

– Тоомас, запомни, нет в мире двух вещей: продукта, который китайцы не смогут приспособить для своей кухни, и предмета, что не согдится еврею на фамилию. Ясно?

– Ага. Спасибо. Ты все же начал правильно произносить мое имя.

– Я просто зевнул, – и, повернувшись к немцу, хлопавшему глазами после его второго вопроса, ухмыльнулся максимально нагло. – Вы жить хотите?

Тот хлопнул глазами, потом медленно, как во сне, кивнул. Хромов с трудом подавил зевок, на сей раз, настоящий – бессонная ночь плюс ушедший адреналин... Но фриц, похоже, на сотрудничество пойдет.

– Это хорошо, что хотите. В таком случае, как говорят ваши предки-евреи, у меня таки есть для вас интересное предложение...

В общем, договорились. Немец и впрямь очень хотел жить, а потому готов был ухватиться за любой, самый призрачный шанс. Понять его было можно, все же дома его ждала семья – жена, дети... Непонятно только, за коим хреном он поперся от них воевать в холодную Россию, но душекопание Хромова сейчас не волновало. На душевные терзания вражеского офицера ему было горячо наплевать. Главное, чтобы сидел за телефоном под бдительным присмотром одного из разведчиков и при звонках отвечал, что все в порядке.

В общем, получилось неплохо, и в результате удалось даже быстро вымыться и отдать пропотевшую и окровавленную одежду ворчащим и неприязненно зыркающим, но не рискующим открыто протестовать местным женщинам, чтобы постирали. Чтобы буквально через два часа, будучи разбуженным безжалостной рукой своего заместителя, тащиться следом на другой конец города – нашли там что-то интересное. Хорошо еще, нашлось, во что переодеться – запасы белья здесь оказались неплохие, так что где-то в каптерке обнаружилось даже офицерское, шелковое. Штаны, опять же, чистые нашлись, правда, солдатские и тесноватые. Но все равно лучше, чем ничего. А то натягивать полушубок на голое тело или, хуже того, мокрые шмотки было бы совсем невесело.

Однако когда он, ежась от холода и обещая, что если его зря выдернули, то самолично оторвет головы всем и каждому, добрался до сооруженных у реки то ли больших складов, то ли маленьких ангаров, выяснилось, что подняли из койки его совсем не зря. Селиверстов (сильна у парня хозяйственная жилка, ох, сильна) успел не только понять и оценить, что и где можно нарыть в этом городишке, но и нашел даже то, мимо чего прошел дотошный взгляд немцев. В одном из складов обнаружился, ни много ни мало, целый корабль.

Ну, как корабль – бронекатер. Здоровенная, по речным меркам, посудина длиной много больше двадцати метров, с двумя орудийными башнями. Ангар был изрядно побитый временем, крыша в прорехах, и света хватило, чтобы рассмотреть серьезный калибр. Три дюйма, башни от танка Т-28. Вроде бы... Хромов присмотрелся. Не совсем то, орудия заметно длиннее. Еще куча всего, но тусклый зимний свет не позволяет рассмотреть в подробностях. Красавец! И что теперь прикажете с этим делать?

– Что это и откуда здесь? – не оборачиваясь, поинтересовался Хромов.

– Бронекатер проекта одиннадцать двадцать четыре. Я такой только на картинке видел. А откуда – вот его спроси.

Хромов обернулся, с интересом посмотрел на переминающегося с ноги на ногу мужика. Среднего роста, плечистого, заросшего бородой до самых глаз. Возраст не понять, хотя в черных волосах и бороде немало серебристых нитей. Внимание к своей персоне ему не нравится, но и страха во взгляде нет. Хромов кивнул ему, протянул руку:

– Сергей.

– Петр.

– Расскажите, как это чудо техники попало сюда?

– Расскажу, отчего ж не рассказать.

Рассказ, правда, не отличался особыми изысками. То ли рассказчик был так себе, то ли событие и впрямь выглядело простым и заурядным. Хотя теоретически в этих местах любой чих должен становиться темой для обсуждения на ближайшие пару месяцев, но всякое бывает.

Итак, в самом начале войны, когда немцы перли, как бомжи за бесплатной водкой, этот катер вышел сюда, имея на борту трех человек экипажа. Куда делись остальные, командир не распространялся. Лишь рассказал, что вниз по течению не пробиться – фрицы крепко оседали мосты, возле одного из которых подловили моряков, и второй катер, шедший головным, зенитки расстреляли прежде, чем тот успел хоть что-то сделать. Учитывая скорость бронекатера,

тера более чем в двадцать узлов, то есть порядка сорока километров в час, плотность огня внушала уважение.

Этот же катер шел, заметно отстав, потому успел развернуться и вовремя свалить. Добрался сюда, где его тупо загнали в небольшую протоку. Затем вышли на Петра Крычуга, здешнего бригадира грузчиков. Попросили помочь замаскировать, и тот честно пошел навстречу чаяниям военных. Катер затащили в заброшенный склад, благо это было несложно. Построили-то его при царе еще, и купчина, занимавшийся этим, подошел к делу с умом. Плавный съезд к реке, вымощенный камнем, и рельсовый путь с несколькими тележками. Увы, после революции ситуация поменялась, городок оказался на периферии новой жизни, склады были практически не востребованы и быстро обветшали. А когда перед самой войной начали возрождать речной порт, решили, что дешевле построить новые склады. Этот же так и стоял – и вот, пригодился.

На все тех же тележках катер затащили внутрь. Он, конечно, весил немало, ну да рельсы проложены были качественно, тележки тоже оказались крепкими, да и было их с десяток – купец планировал строить несколько складов по одному типу, закупил оборудование с запасом. Ручная лебедка тоже выдержала издевательства, поэтому катер смогли затащить, прикрыли ворота, навесив самый ржавый замок, который смогли найти, и, в принципе, все. Справились за ночь, поэтому даже вездесущие мальчишки ничего не узнали. А немцы руинами не интересовались. Моряки же рванули через лес к своим, удалось им добраться или нет, бригадир понятия не имел. Вот и все, если кратко.

Выслушав рассказ, Хромов несколько минут ходил вокруг катера. Красив, настоящий речной танк. Помимо двух оружейных башен есть еще пулемет ДТ. И места под крепление пары таких же, но, увы, как пояснил бригадир, их моряки забрали с собой. Еще нашлись сразу две зенитные спарки – ДШК, пятилиннейные, сиречь двенадцать и семь десятых миллиметра. Патроны, опять же, были, снаряды тоже – хорошо смазанные, аккуратно сложенные, даже сейчас от них веяло опасностью.

Два бронзовых винта успело тронуть зеленью окислов. Серая краска бортов кое-где сбита пулями, но ни одного пробития Сергей не нашел. Залез внутрь – двигатели внешне как новые, ухоженные. В цистерне бензина примерно на треть. Все здорово, но что дальше-то?

Откровенно говоря, на взгляд Хромова, этот катер был чемоданом без ручки. Тащить – непонятно как, а бросать жалко. Очень похоже, Селиверстов думал так же, а потому спросил:

– Что будем делать, старшой?

– Что делать, что делать... Спать будем, вот что.

– В смысле?

– Сегодня отдыхаем, все равно немцев пока не ожидается. Только посты выставить не забудь. А вечером, на свежую голову, решим. Ты как нашел-то его?

– А просто шел и увидел, что рельсы не такие ржавые, как если б десять лет стояли без дела – значит, сюда затаскивали что-то. Или вытаскивали. Ну, я и посмотрел на всякий случай.

– Логично. Молодец, я бы сам, может, и внимания не обратил. Все, пошли отсюда. Полгода катер простоял и еще несколько часов потерпит. А время нам никто не вернет.

Катером занялись ночью. По сути, на взгляд Хромова, имелось всего два варианта – забрать его отсюда или уничтожить. Но с вечера, проведя ревизию двигателей, он понял – уничтожать корабль просто так рука не поднимется. Таскать его за собой – тоже не вариант. Кораблик, в отличие от танков, намертво привязан к водным артериям, куда попало на нем не пойдешь. Это его слабость. Значит, что? Уничтожить, но так, чтобы этим он принес хоть какую-то пользу. То есть провести хорошую диверсию, такую, чтобы фрицы взвыли и вздрогнули. Перспективные цели же сейчас найти – раз плюнуть. К тому же в городе нашелся бензин.

Не то чтобы чрезмерно много, но цистерна теперь была почти полная, а значит, при некоторой удаче можно уплыть далеко.

Всплыли некстати воспоминания о летнем рейде на бронепоезде. Особенно о том, как этот рейд закончился. Риск жесткий. Но, с другой стороны, идет война. И каждый фриц (а также румын, венгр или еще какой-нибудь урод вроде итальянца), погибший здесь, не попадет на фронт там, на востоке. А потому рискнуть стоило. Во всяком случае, когда Хромов эту идею озвучил, общественное мнение протестов не выразило.

И закипела работа. Как оказалось, спустить катер на воду было задачей достаточно простой. Крычуг без особого энтузиазма, но и без протестов объяснил, что и как, даже показал... Рельсы шли до самой воды, даже уходили в нее немного. Хромов заподозрил даже, что ангар изначально строился с возможностью затаскивать в него небольшие суда. Но это было сейчас не стоящей внимания мелочью. Главное, что после заливки в колеса транспортных тележек обильной порции смазки, они поехали без особых проблем. Умели при царе делать, чего уж там. Провозились часа два, не больше, и вот катер, удивительно мягко скользнув на воду, закачался в нескольких метрах от берега. А вот дальше было сложнее.

Хотя инженеры, проектировавшие катер, и постарались использовать в его конструкции стандартные, освоенные заводами агрегаты вполне сухопутного происхождения, но специфика применения брала свое. Да, все вроде бы по отдельности знакомо, а вот вместе... Проще всего оказалось разобраться с вооружением – башни перекочевали с танка практически без изменений. Немного другое орудие, но принцип тот же. Недавно такую же от грязи отчищали. А вот силовая установка оказалась похитрее.

Всю ночь, весь следующий день и половину второй ночи, загнав катер в удобную и даже сейчас, зимой, практически непросматриваемую с воздуха протоку, его новоявленный экипаж разбирался, что к чему в его конструкции. Дело оказалось достаточно сложным – и это притом, что больше половины разведчиков имели определенный (а Хромов так и вовсе серьезный) опыт возни с двигателями танков и автомобилей. Два бензиновых двигателя, хоть и имели, по словам Селиверстова, авиационных предков, заметно отличались от используемых на БТ. Радовало лишь одно: в отличие от техники будущего, густо замешанной на электронике, работа этих была понятна визуально. Ну и очень повезло, что нашлась в машинном отделении замасленная донельзя инструкция – видимо, механик то ли позабыл, то ли не счел нужным уничтожить свою настольную книгу.

Читая ее, Хромов лишний раз смог убедиться в том, что нынешнее время прагматичнее того, в котором он родился. Вместо многословия – короткие, четкие указания, что и как делать. Вставьте шплинт А в гнездо Б... Учитывая недостаточный уровень образования предвоенного поколения – самое то. Рассчитано на дурака, и это пришлось весьма кстати. Поэтому – справились. Конечно, длительной эксплуатации у таких любителей, как они, катер не выдержит, но на один бросок его должно было хватить. Авантюра, конечно, только в этих условиях вся жизнь – сплошная авантюра. И потому, отдохнув немного и отправив двух связных к Мартынову, чтобы предупредили командира (ох и будет ругаться полковник – стены от стыда покраснеют), а заодно перегнали лошадей, вечером новоявленные моряки снялись с якоря и неспешно двинулись вниз по течению.

Позади остался город с начисто выбитым гарнизоном и немецкий лейтенант. Откровенно говоря, Хромову советовали его прирезать. Возможно, это было бы правильным решением, вот только... зачем? Что может о них этот немец знать? Вышли из лесу партизаны, всех перебили, а потом куда-то смылись. Так это любой горожанин им поведает. С другой стороны, он, Хромов, фрицу слово давал, что если тот будет сотрудничать, останется жив. А нарушать слово, пускай и данное врагу, не комильфо. Так что ограничился Сергей тем, что взял с немца расписку о сотрудничестве с советской разведкой да приказал запереть его в подвале, чтоб и впрямь лишнего не увидел. Фикция, конечно, однако же и впрямь хоть какое-то успокоение совести.

Всю ночь они шли самым малым ходом, чтобы не налететь в темноте на какое-нибудь бревно или не вылететь на берег. Конечно, малая осадка и плоское дно заметно снижали риски, но покалечить катер было просто. Учитывая же неопытность рулевых, так и очень просто. Вдобавок на малой скорости рокот двигателей был не столь уж и громким, а значит, был какой-то шанс не привлекать внимания случайных фрицев, буде попадутся они по дороге. И бронекатер уверенно шел вперед то по расширяющемуся, то по сужающемуся руслу реки.

На дневку остановились, найдя подходящее место в небольшой, сплошь заросшей высохшим камышом заводи. Главным минусом была нехватка места – хотя катер и был рассчитан на примерно такую численность экипажа, как была у них, назвать размещение комфортным не рискнул бы даже мазохист. Хорошо, что об этом догадались подумать еще до отплытия, организовав посменный отдых. В результате те, кто отдыхал ночью, встали в караул, а остальные завалились спать. Но зимний день короток, и в сумерках катер вновь двинулся вниз по течению.

Первый крупный мост встретился на третий день пути, ближе к утру. Фрицы здесь были, похоже, совсем непуганые. На обоих берегах располагалось по паре малокалиберных зенитных установок, и, похоже, происходящее на воде их совершенно не волновало. И даже если кто-то из немцев сумел разглядеть на воде низкий темный силуэт, то вряд ли понял, что это русский катер. Тем более флаг над ним висел самый что ни на есть немецкий – для маскировки подняли на флагштоке ту тряпку, что недавно сорвали с комендатуры в захваченном городе.

В паре километров ниже по течению, найдя подходящее место, заглушили двигатель и быстро (опыт не пропьешь) замаскировали катер. После чего, наскоро перекусив, комсостав приступил к обсуждению дальнейших действий. Остальные, впрочем, тоже не остались в стороне – рисковать шкурой придется вместе, а потому и право голоса имеет каждый. Так что все, не занятые в дозоре, собрались на берегу, возле сходней – тут было удобнее, чем на тесной палубе.

По сути, вопрос о том, уничтожить мост или нет, даже не стоял. Когда идет война, любые проблемы с коммуникациями для вражеской армии, далеко оторвавшейся от центров снабжения, чрезвычайно болезненны. И один разрушенный мост при этом стоит десятков километров обычных рельсовых путей. Ибо уложить рельсы – дело нехитрое, а вот капитальные сооружения требуют на строительство или восстановление (а что сложнее, еще неизвестно) месяцы, а порой и годы. В общем, уничтожить надо, но как?

Откровенно говоря, ликвидировать охрану, особенно ночью, не выглядело сложной задачей. Почти два десятка опытных головорезов при большом количестве автоматического оружия кладут обленевшихся и разожравшихся зенитчиков походя. Защита от редких партизан с винтовкой на десятерых – одно, против диверсантов с немалым боевым опытом – совсем другое. Так что захватить объект не проблема... А вот что с ним делать дальше?

Предложение взорвать мост Хромов лично встретил аплодисментами и поинтересовался у автора, где тот возьмет для этого тротил. Ныне не прошлое лето, когда по обочинам дорог валялось что угодно – вплоть до исправных танков. А сейчас – все, кирдык. Хозяйственные фрицы уже давно все прибрали, инвентаризировали и к делу пристроили. Где деньги, Зин?

Аллегорию из будущего никто, естественно, не опознал, но смысл поняли и задумались. После чего Селиверстов неуверенно предложил разрушить мост огнем корабельных орудий. На сей раз идею расклевали всей толпой. Как доходчиво объяснил Ильвес (сказывалось артиллерийско-курсантское прошлое), снаряды трехдюймовок смертельно опасны для танка, могут доставить кучу неприятностей пехоте, но железобетонные опоры ими можно разве что поцарапать. Разумеется, приятного все равно мало, но и не смертельно. Можно, конечно, разрушить какую-нибудь ферму, но это тоже лечится и времени займет немало. Немцы успеют поднять тревогу, а их группе вовсе не улыбалось героически погибнуть. Мартынов всегда говорил, что задача диверсантов нанести максимум ущерба и свалить, быстро и желательно в полном

составе. Правоту командира оспаривать никому не хотелось. Да и опыт прошлого рейда говорил: встреча с крупными силами немцев смерти подобна.

Мозговой штурм не дал ничего. Даже карта, расстеленная на специально вытасченной крышке от снарядного ящика, положения не изменила. Ровно до тех пор, когда Ильвес, наиболее грамотный в этом отношении, не предложил разжиться взрывчаткой у немцев. И даже показал, где именно.

Вот после этого словоблудие кончилось и началось реальное обдумывание раскладов. Идея бывшего курсанта была сколь проста, столь и неожиданна. И, на первый взгляд, реализуема. Практически рядом, буквально километрах в тридцати, располагался город. Причем, в отличие от предыдущего, вполне себе приличных размеров, с хорошим железнодорожным трафиком. Станция не узловая, конечно, однако все равно немаленькая и, похоже, служащая для отстоя поездов в ночное время. Видимо, двигаться в темное время суток посреди враждебной территории немцы все-таки опасались. Во всяком случае, ночью была тишина, зато почти сразу, как рассвело, по мосту загрохотали составы. А значит, в городе наверняка имеются склады всего, что только можно. И если запчасти и прочие радости жизни интересовали разведчиков мало, то вот найти там взрывчатку шанс был вполне реальный. Конечно, процесс займет немало времени, но и они никуда не торопятся. Хотя бы потому, что никто их пока не ловит. Вряд ли немцы смогут быстро понять, что маршрут отступления проложен по воде. В такой ситуации риск не выглядел запредельным.

Что же, день потратили на отдых, а ночью Хромов и Селиверстов, оставив едва стоящего на ногах от усталости Ильвеса на хозяйстве, с четверемя бойцами выдвинулись к железной дороге. А потом Сергею довелось в очередной раз убедиться, что последние полгода изменили его куда сильнее, чем предыдущие десять. Во всяком случае, скажи ему, что он будет способен без особых проблем преодолеть ночью три десятка километров по пересеченной местности – он бы не поверил. Для современного, избалованного комфортом человека иногда подняться на пятый этаж без лифта – уже подвиг, а тут зимний лес, едва подсвеченный луной, и «железка» в качестве ориентира. Причем желательно к ней не приближаться и из леса не выходить – будет ли снегопад, неизвестно, а следы бдительный обходчик обнаружит запросто.

И все же, к окончанию марш-броска все его участники вымотались страшно. А впереди был еще дневной отдых в лесу и снегу, который напоминал пески элитных курортов разве что цветом. Но зато и искать место для наблюдения за железнодорожной станцией пришлось недолго.

Сменяя друг друга в перерывах между сном, они ухитрились-таки немного отдохнуть и сделать некоторые выводы. Не слишком утешительные. Во-первых, поезда немцы гнали в бешеном темпе – очень похоже, дела на фронте шли не то чтобы здорово, и логистические цепочки дрожали от перегрузки в тщетных попытках исправить положение. Во-вторых, склады тут были, но, как и весь вокзал, охранялись они серьезно. И не исключено, подумал Хромов, что из-за их недавних геройствований. Наверняка фрицы уже разобрались, как плохо кончил их гарнизон, и не сильно жаждут повторения. С одной стороны, можно гордиться таким отвлечением сил от куда более насущных задач, с другой же – конкретно сейчас это здорово мешало.

Солдат было не то чтобы много, но сновали они туда-сюда активно, не засиживаясь. И даже перетаскивая что-то, с карабинами не расставались. Две батареи зениток тоже производили впечатление – по четыре «ахт-ахт», сиречь восемьдесят восемь миллиметров. Хромова они, правда, не слишком впечатлили. Да, характеристики этих орудий по праву стали легендарными, но группе диверсантов, чье главное оружие – скрытность, они не слишком опасны. Пусть они хоть сто раз универсальны и способны работать по любым целям, но ты попробуй, наведись по тому, чего не видишь. Боевое охранение – это уже серьезнее, но сами по себе зенитки неинтересны, приближаться к ним никто не собирается.

А вот довесок к тяжелым орудиям, по три двадцатимиллиметровых зенитных автомата, смотрелся куда хуже. Скорострелки, разумеется, не обладают столь впечатляющей мощностью единичного снаряда, зато способны буквально засыпать окрестности градом стали и взрывчатки. В такой ситуации станция и город и впрямь могли считаться надежно прикрытыми. Весело...

– А ну, руки вверх!

Голос прозвучал столь неожиданно, что Сергей едва не подпрыгнул из положения «лежа». Ч-черт! Увлёкся, потерял контроль над ситуацией. Дебил! Медленно повернулся и обнаружил перед собой парнишку лет шестнадцати, худого, в потрепанном пальто, такой же потрепанной шапке-ушанке и здоровенных, подходящих разве что слону, валенках. Но, главное, он был вооружен, и Хромов, успевшего побывать в самых разных ситуациях, увиденное не радовало. Равно как и суженные зрачки парня.

К слову, оружие в его руках производило впечатление. Правда, нельзя сказать, что хорошее. Вроде бы винтовка, но громоздкая, непривычного вида и совершенно неприличного калибра. Такой Хромов еще не видел. Создавалось впечатление, что ее сделали в сельской кузнице, а приклад вытесали топором, но при этом выглядело оружие невероятно ухоженным.

– Убери карамултук, – ровным, почти ласковым голосом сказал Хромов, старательно не делая резких движений. А то еще испугается, пальцем дернет... Судя по бледному лицу парня, он был к такому действию весьма близок. Трусит страшно и все равно рискнул наехать на лучше вооруженного и экипированного противника. В иной ситуации за это можно было бы и похвалить. Но только если не видишь перед собой здоровенный, как медвежья задница, ствол. – Руки!

Хромов скрипнул зубами. Ставшая за это время уже практически родной СВТ лежит рядом, а толку? На успеешь даже руку протянуть, как этот малолетний гадис выстрелит. А и успеешь – что с того? Развернуть длинную и тяжелую автоматическую винтовку не так-то просто. А вот пистолет...

Маузер остался на базе, все же громоздкий и тяжелый пистолет для дальнего рейда отнюдь не лучший выбор. А вот аккуратный вальтер был на боку, в кобуре. Второй – за пазухой, незаметно хрен вытащишь, но как раз из кобуры попробовать можно. Лежал Сергей на правом боку, и, соответственно, правая рука скрыта от противника. Надо только осторожно скинуть рукавицы и, благо снег рыхлый, извлечь оружие. А там посмотрим, у кого яйца круче.

Все это промелькнуло в мозгу стремительно, как молния. И Хромов уже начал реализовывать свой план, однако в следующий миг ситуация изменилась кардинально. И не в пользу гостя.

– Слушай, орел, – Селиверстов выбрался из-под качественно замеченной снегом коряги. Парнишка нервно дернулся – сразу видно, не заметил он второго разведчика. Ну, его проблемы. – Ты вот о чем подумай. Здесь до немцев метров двести. Пальнешь – услышат и сбегутся. Подумал? Значит, опусти свой дробовик и бегом отсюда. Не мешай серьезным людям работать.

– Молчать...

– Сам заткнись. Винтовку опустил, ну!

– Слушай, что у него за антиквариат? – поинтересовался Хромов, на всякий случай готовясь броситься в сторону. Ватник был достаточно легким и не стеснял движения, а вот тяжелые валенки... Но не ждать же, пока тебя застрелят.

– Берданка. Я с такой в детстве на охоту пару раз ходил. Не знаю только, ствол родной или под дробовик переделан. Слышь, парень, все, не дури. И впрямь переполошишь фрицев.

Незванный гость злобно переводил взгляд с одного на другого, и непонятно, что его больше убедило – доводы разума или ствол автомата, глядящий ему точно в лоб. Селиверстов понятия не имел о бессмертном и шедевральном «Крестном отце», но истину о добром слове

и пистолете чувствовал на инстинктивном уровне. Так что плюнул мальчишка себе под ноги, закинул свою берданку на плечо и зашагал прочь, глубоко проваливаясь в снег.

– Фух! – Хромов сел наконец, зачерпнул пальцами снег и протер лоб. Хотя был ошутимый минус, ему вдруг стало очень жарко, да и пальцы ошутимо подрагивали. – Спасибо.

– Нормально, старшой. Еще сочтемся. Мне вот интересно только, где наше боевое охранение?

Вопрос и впрямь звучал интересно. Четверо бойцов занимают позиции, а этот олух проходит мимо них, аки дух бестелесный. Что за бред?

Все прояснилось практически мгновенно. Как оказалось, трое безмятежно дрыхли, а четвертый расположился в стороне, противоположной направлению, с которого явился герой с берданкой. И в результате опрофанившиеся (да, устали, но и сам Хромов устал не меньше – тем не менее, наблюдая за станцией, оставался в ясном уме и твердой памяти, равно как и Селиверстов) герои узнали о себе много нового, интересного и поучительного. И еще больше узнали бы, но им помешали.

На сей раз появление гостей обнаружили мгновенно, когда они находились еще метрах в тридцати. Для леса расстояние более чем значительное, но, несмотря на собственное рычание, Хромов легко различил скрип снега под чужими ногами. И, когда пришедшие вышли к месту действия, все были уже готовы к бою. Сергей даже не удивился, когда увидел все того же парня с берданкой. А вот его спутник – тот был поколоритнее.

Высокий, мощный – то ли на самом деле, то ли полушубок добавлял габаритов. Одет не то что с иголки, но добротно и опрятно. Немного портили вид очки с круглыми стеклами в тонкой оправе, но, как ни странно, с обликом в диссонанс они не входили и лицо с удивительно правильными чертами совершенно не портили. Шел он открыто и – это почему-то бросилось в глаза в самую последнюю очередь – был вооружен автоматом, трофейным, таким же, как и у Селиверстова.

Похоже, он был где-то здесь, неподалеку. С момента, как спровадили навязчивого «человека с ружьем», прошло не более получаса. За это время парень должен был по глубокому снегу добраться до места встречи, после чего они вернулись. Да еще и нашли место, где Хромов распекал проштрафившихся караульных. А ведь какое-то время требуется на принятие решения. Впрочем, посмотрим, как будут развиваться события дальше. И порадуемся, что винтовка под рукой, а кобура расстегнута.

– Здравствуйтесь, товарищи...

То ли интонацией, то ли просто голосом он был очень похож на диктора советского телевидения, говорившего, по слухам, эту фразу каждый вечер несколько десятков лет подряд. Хромов то время, конечно, не застал, но видел в каком-то видеоролике, благо их в интернете как грязи. Тогда и внимания не обратил вроде бы, а сейчас вдруг почему-то всплыло в памяти. Да так, что он с трудом подавил смех и, придав лицу максимально безразличное выражение, неторопливо кивнул:

– И вам не хворать.

Получилось достаточно нейтрально. Гость кивнул и вежливо поинтересовался:

– С кем имею честь?

Судя по тону, или из «бывших», или же интеллигент. Возраст «слегка за сорок» допускает и то, и другое. Впрочем, какая разница? Хромов чуть прищурился:

– Воспитанные люди обычно представляются первыми.

– О, прошу меня простить. Нелаев Василий Игнатьевич. Бывший директор школы, ныне вот партизану помаленьку.

– Хромов Сергей. Командир разведгруппы.

– Очень приятно. Сергей... э-э-э...

– Просто Сергей. Я не чувствую себя достаточно старым, чтобы ко мне учителя обращались по отчеству.

Сзади послышались смешки. Парень с берданкой насупился. Нелаев улыбнулся:

– Ну, в таком случае, просто Сергей, предлагаю вам продолжить разговор у нас в лагере. Вы уж извините, но это место не внушает мне доверия – слишком оно близко к немцам.

Возразить было нечего, и примерно спустя полчаса они уже расположились в небольшом овраге примерно в километре от места встречи. Здесь же находились еще с десяток человек, одетых кто как. Один явно бывший красноармеец, остальные же больше напоминали обычных мужиков, согнанных войной с насиженных мест. Что ж, партизанское движение набирало обороты.

В овраге, не опасаясь, что их заметят немцы, развели костер, на котором варилось что-то непонятное, но пахнущее вполне неплохо. Селиверстов подумал секунду, потом они переглянулись с Хромовым и достали по банке трофейных консервов. С коротким запозданием их примеру последовали остальные. Вклад был воспринят как должное, пошел в общий котел, и, когда все собравшиеся активно уплетали ужин, ледок недоверия между ними не то чтобы исчез, но порядком истончился. А когда пришло время чая, разговор командиров уже шел во вполне деловом ключе.

Нелаев хоть и был человеком вроде бы мирной и гуманной профессии, на поверку оказался хватким и жестким бойцом. Ну, после учащихся что ему немцы – так, мелочь пузатая. Вдобавок успел повоевать в Гражданскую, командовал взводом, насмерть рубился с поляками и чудом не попал в плен, когда Тухачевский ухитрился провалить наступление. В начале Отечественной войны пошел в военкомат и вместе с десятками подобных ему мужчин отправился на сборный пункт. Увы, немцы наступали быстро, и, не успев добраться до места, все они уже оказались в окружении. А потом несколько бомбардировщиков рассеяли ставшую никому не нужной колонну. Кто-то погиб, а кто-то, подобно Нелаеву, вернулся домой.

В оккупации жилось несладко, но люди как-то приспосабливались. Главное было не высываться, но, увы, не все зависит от человеческого желания. В данном конкретном случае Нелаева подвели его собственные ученики, решившие, то они уже достаточно взрослые, дабы не терпеть захватчиков на родной земле.

В общем, организовали они нападение на немецкий патруль, совершенно не подумав о том, что двое фрицев с винтовками могут оказаться грозными противниками. Шестеро юнцов с дубьем... Все же зря пропагандисты так вбивали им в головы, что враг обязательно труслив. Вместо того чтобы спастись бегством, прошедшие с боями половину Европы солдаты тупо пристрелили самых активных, а остальных прикладами гнали до комендатуры, где утром военным комендантом было принято в их отношении единственно возможное решение – повесить. Сволочь он, конечно, однако логика была железная, а результат – предсказуемый.

Естественно, Нелаев никогда не слышал воспетую Бернесом сербскую историю¹. Хотя бы потому, что она в этом мире еще не произошла и неизвестно, произойдет ли. Но поступил он не менее храбро, и притом вел себя несколько умнее своего коллеги.

Тут сказался боевой опыт. Охраняли мальчишек не формально, однако часовых было всего двое. Один упокоился с топором в башке, другой – с ножом для колки свиней в почке. Оставалось лишь вывести ребят, а потом вместе с ними рвануть прочь из родного села. За ними гнались, конечно, однако поймать в лесу человека, родившегося и выросшего здесь, не слишком перспективное занятие. Беглецы смогли оторваться и после недели скитаний прибились к небольшой группе красноармейцев. Те, отрезанные от Красной армии еще в начале лета,

¹ Кто желает, может прослушать песню «Последний урок», желательно с предисловием самого Бернеса. Это будет весьма интересно для современных любителей Европы вообще и немцев в частности.

организовали нечто вроде партизанского отряда, который чуть позже сам примкнул к другому, более крупному. Вот и вся история, если кратко.

Трудно сказать, ожидал ли Нелаев ответных откровений, но получил лишь очень скудную выжимку. Разведчики, планируют взорвать мост, хотя и разжигаются на станции взрывчаткой. Отменять операцию не собираются, даже если это идет вразрез с планами местных партизанских командиров. Нелаев лишь головой покачал, но, решив, что Хромов выполняет приказ своего командования, не пытался никого отговаривать. Сказал лишь, что они сами планировали налет на станцию, но, к сожалению, вряд ли что-то получится. Немцы оборону организовали серьезную, и без хорошего прикрытия, желательно с танками, захватить ее нечего и думать. Ночью же охрану еще более усиливают – все же поезда тут отстаиваются. Пробраться за охраняемый периметр, конечно, можно, график патрулирования не предельно плотный, но подойти незамеченным к складам уже не получится. Именно в этот момент и пришла в голову Хромова давно напрашивавшаяся, но никак не желающая формулироваться мысль. Есть вариант, есть. И вряд ли немцы его предусмотрели! Наглость, помноженная на хамство, и нестандартный взгляд на ситуацию могут дать преимущество. Под монастырь, правда, тоже могут подвести, но думать об этом сейчас не хотелось.

– С-с-с...

– Тихо ты!

– Ага, тебе бы так лопатой...

– Заткнись и копай.

Вот так, переругиваясь, они вгрызались в уголь, наваленный запасливыми немцами в паровозный тендер. Второй тендер – в этом составе немцы зачем-то прицепили их аж две штуки, что и предопределило выбор. Ругаться приходилось шепотом, периодически сгибаясь и замирая, когда немецкий патруль проходил слишком близко. А потом снова брались за лопаты и молились, чтобы успеть.

Нелаев посчитал их идиотами, а риск чрезмерным и не собирался подписываться на эту авантюру. Но помог информацией о режиме передвижения часовых, благо наблюдение вел уже третий день, за что ему огромное человеческое спасибо. Жаль только, подсказать, что и в каком поезде, он не мог. Была идея использовать состав с топливом, цистерны взорвать проще всего, но по здравом размышлении от нее отказались. Рвануть-то рванет, но сверху, а уничтожить надо опоры.

Именно поэтому объектом был выбран товарняк. А из нескольких теоретически одинаковых вариантов предпочли именно этот – как раз из-за удобного места для маскировки. Разумеется, слишком многое поставили на карту, и цена ошибки может оказаться чересчур велика, но приходится рисковать. В конце концов, оставался еще аварийный вариант – устроить столкновение поездов непосредственно на мосту. Но это уже было, скорее, фантастикой, чересчур технически сложно выглядел процесс.

Но все это потом, а сейчас лопаты в зубы – и работать, негры! Кстати, не такая уж фигура речи – Хромов подозревал, что после угольных раскопок выглядят они соответствующе. Угольная пыль разъедала кожу, лезла в глаза, словом, приятных ощущений не добавляла. А главное, времени было не так и много. Долго пробирались на территорию станции, перемещались по ней до облюбованного состава. А потом активно копали убежище на четверых – двух бойцов Хромов отправил к Ильвесу, чтобы сообщили ему план действий. Да еще надо было отыскать и притащить несколько досок – просто зарываться в уголь не вариант, надо было сделать хоть какое-то подобие крыши. В общем, геморроя хватало.

Справились, конечно, хоть и уже под утро. Вырыли яму, прикрыли сверху досками, набросили сверху небольшой кусок брезента, завалили все тем же углем, оставив только узкий, незаметный со стороны лаз. И, забравшись в угольную берлогу, по очереди спали аккуратно до тех пор, когда поезд тронулся и, мягко постукивая колесами на стыках, двинулся на восток.

Из укрытия они выбрались минут через пятнадцать после отправления. Времени было не так уж и много, а им требовалось зачистить поезд от нежелательных фрицев. А они наверняка есть, немцы – совсем не идиоты, без охраны поезд не пошлют. А их всего четверо. Но играть приходится с теми картами, которые есть на руках, и нечего жаловаться – в конце концов, они сами выбрали, никто их за уши не тянул.

Селиверстов, прихватив одного из бойцов, ушуршал по крышам в хвост состава. Хромов, чуть выждав, направился к паровозу, где и обнаружил полнейшую идиллию. Паровозная бригада была, судя по экипировке, из местных – уж больно затрапезный вид. Кочегар, только что набивший топку углем, отдыхал, а машинист лениво переругивался с расположившимся здесь же немецким солдатом. Тот стоял, безо всякой опаски прислонив винтовку к стенке кабины, курил и отвечал тем же. Судя по доносящимся обрывкам слов, говорили они на чудовищной смеси русских, немецких и еще каких-то слов. Что характерно, это им совершенно не мешало понимать друг друга, какой-то агрессии тоже не наблюдалось. Похоже, ездили они здесь не в первый раз и давным-давно нашли общий язык. Уроды!

Сделав жест своему напарнику, чтоб не дергался, Хромов осторожно, по-пластунски, начал подбираться к паровозу. Днем было бы тяжелее, но сейчас утренний сумрак еще не до конца рассеялся. Да и люди выглядели малость сонными. В общем, увидели они Хромова слишком поздно и ничего не успели сделать.

Видя, как округлились от удивления глаза кочегара и открылся его рот, Сергей не стал дожидаться приветственного крика и одним броском преодолел оставшиеся метры. Вперед ногами влетел в будку, впечатав каблучки аккурат в грудь не в меру глазастому кочегару и отбросив свою жертву прямо на раскаленную топку. Тут же четко рассчитанным движением отправил немца к праотцам, загнав ему нож прямо в глаз, после чего развернулся к замершему в ступоре машинисту.

– Стоять! Молчать! Иначе за ними отправишься. Да заткнись ты!

Воющий от боли кочегар получил короткий, точный удар и замолчал, лишившись сознания. Ибо нехрен. Служить оккупантам ты, конечно, можешь, но сопутствующие риски в лице пинков и ожогов тоже никто не отменял. Хромов вновь развернулся к машинисту, лицо которого начало приобретать осмысленное выражение, провел ему перед глазами окровавленным лезвием. Машинист, дядька пожилой и вида совсем не геройского, впечатлился. Дернулся, во всяком случае, так, что сомнений не оставалось – получить кусок стали под ребро он совершенно не жаждет.

– Значит так. Слушай меня внимательно. Повторять не буду – просто убью, с паровозом я управляться умею и без тебя, если что, справлюсь. Отвечай, сколько немцев на борту?

Термин был не совсем корректный, но мы же не на академическом форуме. И машинист вопрос понял совершенно правильно.

– Трое... Б-было трое, одного вы...

– Ясно. Где остальные?

– Сзади, в последнем вагоне...

До Хромова донеслась короткая, от силы патронов на пять-шесть, очередь. Ну, что же. Можно надеяться, что немцев здесь больше нет. Сергей улыбнулся и, судя по тому, как отшатнулся машинист, оскал получился что надо.

– Значит так, слушай меня внимательно, старый пень. Ведешь поезд и выполняешь все мои приказы и не дергаешься – останешься жив. И ты, и твой помощник. Понял? Если да – кивни. Ай, маладца! Чем нагружен поезд?

– Не знаю, но идет тяжело.

– Что не знаешь – плохо, что тяжело – хорошо. Все, работай, – и, оставив подоспевшего бойца контролировать паровоз, Хромов поспешил навстречу Селиверстову.

Как оказалось, прыгать по крышам с вагона на вагон, когда поезд всю движется, задача отнюдь не столь простая, как показывают в кино. Даже если эта скорость по меркам родного для Хромова времени и ничтожная, а крыши бесхитростно плоские. И все равно, когда видишь бегущие аккурат под ногами рельсы, сфинклерные мышцы болезненно сжимаются.

Впрочем, и Селиверстов уже шел навстречу, причем у него двигаться выходило не в пример увереннее, чем у Хромова. Как оказалось, он и впрямь положил двоих, устроившихся на площадке последнего вагона – никаких специальных, крытых помещений у них не было. Кстати, это наводило на мысли о том, что перегон ожидался совсем не длинный, но это вряд ли представляло сейчас интерес. Куда важнее было довести столь успешно начавшуюся операцию до логического завершения.

Узнав о том, где ему предстоит остановить поезд, машинист испуганно вякнул, что там же немцы, и вообще этого делать нельзя. Селиверстов, парень резкий, тут же дал ему в глаз, после чего вопрос о правомерности тех или иных действий был закономерно снят. Кочегар, пришедший в себя, молча сидел, прислонившись к небольшой груде угля, и время от времени сплевывал кровью. Похоже, ребрам досталось, и ему очень повезло, если осколки не задели легкие. Взгляд был злобный и многообещающий, но реально он ничего сделать был просто не в состоянии. Ну и ладно. Теперь оставалось молиться, чтобы Ильвес не подвел и сделал все правильно.

Курсант не подвел, это стало ясно, когда они проезжали мимо зениток. У двадцатимиллиметровых автоматов никого не было, зато физиономии, да и одежда часовых выглядели очень знакомыми. Хромов на ходу, благо скорость поезда не превышала сейчас пешеходную, спрыгнул на землю и уже через минуту был в курсе того, как бравый эстонец организовал операцию по захвату моста. Пользуясь тем, что под рукой плавсредство, высадив людей на обоих берегах и атаковал одновременно, под утро, благо в это время самый сон. Творчески переосмыслив недавний опыт, живыми взял дежурных у телефонов, чтобы отвечали, случись звонки со стороны, остальных взяли в ножи. Самым трудным было добиться синхронности действий двух групп, но с этим он справился, а дальше работа сложной не выглядела. На стороне немцев численное преимущество, на стороне диверсантов подготовка, эффект внезапности, ну и тот факт, что зенитчики сладко дрыхли. В общем, справились, и даже без стрельбы.

Ну что же, все замечательно. А дальше пошла работа – не то чтобы тяжелая, скорее, торопливая. Все же немцы использовали мост достаточно интенсивно, и времени в запасе было не слишком много. Для начала пришлось вскрывать вагоны, и первые два откровенно разочаровали. Зимняя амуниция это хорошо, но для их ближайших целей, увы, бесполезно. Хотя, конечно, жадность взяла свое, и кое-что хозяйственно перегрузили на катер. Равно как и из третьего вагона, который уже внушал некоторый оптимизм. Патроны. Винтовочные. А у них трофейные пулеметы, которые эти самые патроны кушают с нездоровым аппетитом. Затем еще один вагон, заполненный непонятно для чего предназначенными запчастями. И наконец, то, что искали – авиабомбы, причем очень удачного, пятидесятикилограммового калибра.

Остальные вагоны даже не стали вскрывать, спешно разгружая имущество авиаторов и закладывая его вокруг опор. Как заставить их взорваться, было ясно, а вот снесут ли они эти самые опоры... Профессиональных диверсантов правильной закладке взрывчатки специально учат. К сожалению, здесь и сейчас собрались пусть и обладающие немалым опытом, но все же любители, поэтому, не долго думая, решение приняли характерное для своего уровня подготовки. Если конкретно, то компенсировать недостаточную грамотность избыточной мощностью заряда. На практике же это означало еще и дополнительные затраты времени, поэтому неудивительно, что до появления следующего поезда они не успели.

Услышавший шум приближающегося состава Хромов смог наблюдать ситуацию от начала и до конца. Вначале из-за поворота выпрыгнул паровоз, толкающий впереди себя открытую площадку, загруженную шпалами. Там же сидели четверо немцев, судя по виду,

изрядно замерзших, в покрытых инеем шинелях. Отличный бинокль, довоенной выделки, позволял рассмотреть это в мельчайших деталях. Потом стал виден длинный ряд цистерн... А в следующий момент, очевидно, заметив, что на мосту творится совершенно непонятное безобразие, машинист начал экстренно тормозить. Слетели со своих мест немецкие солдаты, тут же вскочили, начали поднимать винтовки – опыт не пропешь. И тут же заработали развернутые заранее в сторону гостей зенитки.

Опыт войны на железной дороге Хромов имел, поэтому особых сюрпризов для него тут не было. Но зрелище взлетающих на воздух, объятых пламенем цистерн с топливом все равно производило неизгладимое впечатление. В один миг состав превратился в ползущее по рельсам, стремительно расширяющееся море огня. К моменту, когда трение взяло-таки верх над инерцией, до него оставалось не более полусотни метров. Можно сказать, повезло, что не докатился – даже сейчас проблем этот поезд мог доставить немало.

– За мно-ой!

Ах ты ж, черт! Хромов замысловато выругался. Несколько бойцов вместо того, чтобы продолжать работу, бежали к горящему поезду, размахивая оружием. Порыв их был понятен – добить уцелевших немцев, если они там есть, конечно, пока не очухались. Но ведь сейчас рванет!

Все это Сергей обдумывал уже на бегу. Он бежал, орал своим людям, чтобы остановились – его не слушали, распаленные азартом, как лоси во время гона. А потом все-таки рвануло, да так, что не успей Хромов в последний момент упасть, это приключение вполне могло стать последним в его жизни. Да и так могло – горячая волна, пронесшаяся над ним, впечатляла. А когда рядом в землю воткнулся кусок железа, он впечатлился еще больше. Потом рвануло еще дважды, и на этом светопредставление вроде бы закончилось.

Когда Хромов смог подняться на ноги, его ощутимо шатало. Похоже, легкую контузию он все же заработал. Состав пылал ярким, почти прозрачным голубоватым пламенем, но, сколь удавалось рассмотреть, все цистерны успели сдетонировать. И, хвала всем богам, горящее топливо стекает в другую сторону, хотя жар чувствуется. Значит, непосредственная опасность уже не столь критична. Совсем рядом, буквально в двух шагах, лежал один из разведчиков. Не шевелясь. Хромов перевернул его на спину – все, с разорванным осколками горлом не живут. Снег под телом стал бледно-розовым от крови.

– Нихт шиссен!

Ну надо же, уцелел! А ведь куда более достойные погибли... Какой-то фриц в нескольких метрах от него высунулся из-за насыпи и старательно тянул руки вверх. Лучше б ты мертвым притворился, урод! Хромов молча выстрелил ему в лицо – пленные им сейчас не требовались.

Всего из-за этой дурацкой атаки они потеряли одного человека убитым, одного тяжело раненным и четверо, включая самого Хромова, получили контузии разной степени тяжести. Ну и легкие ранения тоже были. Самому Хромову распорол осколком кожу на виске – несильно, может, даже шрама не останется, хотя прилети железка на сантиметр правее, история лихого разведчика здесь бы и закончилась. Остальным тоже досталось несильно – все же плотные ватники неплохо гасили удары осколков. Царапины – не смертельно, хотя и неприятно. Хуже, что теперь немцы точно поднимут тревогу и начнут выяснять, что за грохот и пожар, но тут уж ничего не поделаешь, работу требовалось закончить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.